

ВАДИМ ПОЛИЩУК

ЛЕЙТЕНАНТ МАГУ
РАСКАЛЕННАЯ
ПУСТЫНЯ

FANTASY WORLD

Fantasy-world

Вадим Полищук

**Лейтенант Магу.
Раскаленная пустыня**

«АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Полищук В.

Лейтенант Магу. Раскаленная пустыня / В. Полищук — «АСТ»,
2019 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-112012-2

Решил бравый лейтенант малость подучиться, в академию поступить, да на экзаменах обломался, не оценили штабные ретрограды его тактического гения. И тут же новое задание получил от высокого начальства, невыполнимое, естественно. Вместо гор — пустыня. Жара, жажда и песчаные бури, ни одной живой души на десятки верст в округе. Новые друзья и новые враги, прежнее упорство в достижении цели. Да и методы не особо поменялись. Вот только с пустыней шутки плохи, далеко не всех она отпускает из своих бескрайних песков.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112012-2

© Полищук В., 2019
© АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вадим Васильевич Полищук
Лейтенант Магу
Раскаленная пустыня
Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону.

© Вадим Полищук, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

– Алекс, подождите меня здесь.

Подарив лейтенанту многообещающую улыбку, девушка упорхнула. Она была просто очаровательна и, похоже, совсем не прочь продолжить знакомство в более уединенном месте, причем сегодня же. Да, отвык он от общества светских дам. Голова кружилась от запаха духов, вида обнаженных плеч и глубоких декольте. Невольно вспомнилась упругая мягкость груди этой, как ее, Лилиан, которой она столь откровенно прижималась к плечу Алекса во время танца. Сердце сладостно заныло в ожидании продолжения, похоже, сегодня ночью отчий дом не дождетя блудного сына.

Увы, все эротические фантазии, возникшие в голове Алекса, были сметены налетевшим на лейтенанта вихрем в гвардейском мундире.

– Анатоль?! Что ты делаешь?

– спасаю тебя!

Алекс попытался притормозить, но противостоять здоровенному гвардейцу не смог, тот стремительно затащил его в гардероб.

– Где твой плащ?

– Может, ты наконец все объяснишь?

– Объясню. Непременно объясню, как только мы покинем сей гостеприимный дом. Этот? Алекс поймал брошенный ему плащ.

– Бежим!

Едва только они миновали двери, как Алекс поинтересовался у застегивающего на ходу свой плащ Анатоля:

– И от кого же сейчас бежит наша славная русская гвардия?

– Гвардия никогда и ни от кого не бежит! В данный момент бежит наша доблестная пехота, а гвардия, как всегда, мужественно прикрывает ее отход!

– А могу я поинтересоваться у прикрывающей мой отход гвардии, почему, собственно, я куда-то должен бежать?

– Не куда, а от кого. От баронессы Лилиан Вассерфальд. Сейчас это самая опасная женщина в столичном свете.

– Это почему же? – удивился Алекс.

– Потому что беременна и не замужем! Извозчик!

Анатоль буквально втащил опешившего лейтенанта в остановившийся возле них экипаж и назвал адрес.

– И самое паршивое заключается в том, что новость о ее беременности мгновенно стала всеобщим достоянием.

– А счастливый папаша, как я понимаю, остался неизвестен?

– Вот, – ухмыльнулся гвардеец, – начинаешь соображать, а то я думал, ты на своем перевале совсем мозги отморозил.

– Не смей трогать перевал! – вскинулся Алекс.

– Хорошо, хорошо, не буду, – Анатоль поднял руки в примирительном жесте. – Не буду больше отклоняться от темы. Лилиан всегда была верна только одному мужчине – гвардейскому офицеру. Поэтому с ходу могу назвать троих кандидатов на эту роль. На самом деле, их список намного длиннее. Себя исключаю, но только потому, что сроки не те-с.

– И ты думаешь...

– Я не думаю, я знаю, – отрезал Анатоль. – Это была бы самая незабываемая ночь в твоей жизни. Как только ты задрал бы юбки прекрасной Лилиан, в спальню ворвался старый барон с двумя сыновьями и толпой свидетелей. Мерзавец, похитивший честь его дочурки, был бы

поставлен перед выбором: или женится, или... Ты на эту роль подходил идеально – офицер, хоть и не гвардеец, богат, и не в курсе светских сплетен.

– Все равно как-то неудобно все получилось.

– Если хочешь, можешь вернуться назад и прикрыть грех госпожи баронессы. Баронский титул, знаешь ли, на дороге не валяется. Да и сама она весьма горячая штучка, можешь мне поверить. Вот только сразу после свадьбы она украсит твою голову такими развесистыми рогами, что придется наклонять голову, прежде чем войти в двери.

– Нет уж, – набычился Алекс, – поехали. Кстати, а куда мы едем?

– К белошвейкам. С недавних пор я предпочитаю именно этот вариант. Получаешь все то же самое, только быстрее, дешевле, и разъяренный папаша в самый ответственный момент не ворвется.

К белошвейкам так к белошвейкам. Лейтенант Магу плотнее запахнул плащ, вечер был довольно теплым, но ему казалось, будто холод Харешского перевала вьелся в его тело навсегда.

Глава 1

– Неплохо, очень даже неплохо.

Принимавший экзамен толстый, постоянно потеющий полковник явно был благожелательно настроен к лейтенанту, без единой ошибки ответившему на все вопросы по тактике из полученного билета. Всем своим видом показывая, что оставшаяся часть экзамена это не более чем пустая формальность, полковник произнес:

– Теперь последняя задача. Выберите карту.

Алекс не мудрствуя стянул со стопки карт верхнюю и передал ее экзаменатору. Местность попала гористая, но это даже привычнее. Полковник цветными карандашами нанес на карту несколько значков и вернул ее лейтенанту.

– Противник, силами до батальона с батареей полковой артиллерии, наступает по двум сходящимся направлениям. Выберите для своей роты позицию так, чтобы иметь возможность остановить обе колонны противника. Ясна задача?

– Так точно, господин полковник.

Алекс склонился над картой. Нужную позицию он нашел сразу. Вот она, высота, позволяющая перекрыть оба направления сразу. Но не может быть все так просто! Должен, должен быть где-то подвох, просто обязан быть. И он нашел его! Нельзя эту высоту занимать. Противник просто подтянет артиллерию, под ее прикрытием подберется на дистанцию одного броска и задавит массой. Не годится. А как тогда действовать? Решение пришло мгновенно.

– Нужно выдвинуть сюда взвод, – карандаш Алекса ткнулся в точку на карте. – Оседлать этот перевал, окопаться и остановить правую колонну. Проход здесь узкий, противник не сможет в нем развернуться, а его артиллерия окажется в досягаемости огня нашего стрелкового оружия и будет бесполезной. Остальными тремя взводами устроить засаду в этом ущелье, разгромить левую колонну и...

– Что?!

Измумлению экзаменатора не было границ, Алекс торопливо пустился в пояснения:

– Направления, выбранные противником, изолированы, и обе колонны не смогут оказать помощь друг другу. Если же дать им соединиться...

Лицо полковника налилось дурной кровью.

– Какое ущелье? Кого громить? Вам всего лишь надо было занять позиции на этой высоте, – пухлый палец экзаменатора накрыл всю злополучную высоту и приличную часть местности вокруг. – Плохо, лейтенант! Идите, вы свободны!

– Есть!

Алекс едва сдержался, чтобы не высказаться. Затем, постаравшись придать своей физиономии самый безмятежный вид, он рубанул строевым к дверям аудитории. Дверь он прикрыл аккуратно. К нему тут же подлетели офицеры, сдававшие экзамен до него.

– Ну как? Ну что?

– А-а... – обреченно махнул рукой Алекс.

Ему посочувствовали, но лейтенант знал, остальные кандидаты его провалу рады – меньше будет конкуренция при зачислении в академию. Магу отошел в сторону и привалился к стене, переживая произошедшее. Это был провал, экзамен по тактике один из важнейших, и если еще вспомнить, что в сочинении были допущены две грамматические ошибки, то об академии можно было забыть, несмотря на вполне приличные оценки по другим предметам. Пора идти собирать вещи и возвращаться в Текуль.

– Не сдали? Не огорчайтесь, попробуете в следующем году.

Что за дурная привычка подкрадываться сзади! Алекс резко обернулся, чтобы ответить резкостью очередному сочувствующему, но тут же вытянулся и доложил:

– Не сдал, господин генерал-лейтенант!

Для своего звания генерал, пожалуй, был слишком молод. Высокий, поджарый, Алекс почему-то решил, что он из кавалеристов. Тем временем высокое начальство чуть задержало взгляд на лейтенантских орденах и поинтересовалось:

– Какая была задача?

– Остановить наступление батальона противника силами роты.

– А-а, это та, где надо было занять высоту на развилке дорог.

– Нельзя эту высоту занимать, – набрался наглости Алекс.

– Это почему? – удивился генерал.

– Это ловушка, господин генерал-лейтенант! Вокруг есть другие господствующие высоты, с которых наши позиции будут полностью простреливаться огнем из стрелкового оружия. К тому же там есть место для развертывания артиллерии.

– Займите господствующие высоты сами, – предложил генерал.

– Тогда позиции роты распадутся на отдельные изолированные участки, между которыми не будет огневой связи, и противник получит возможность уничтожить ее по частям.

Генерал бросил на Алекса еще более удивленный взгляд, похоже, он всерьез заинтересовался.

– Подождите здесь, лейтенант.

Генерал исчез за дверями аудитории, из которой несколько минут назад с позором был изгнан Алекс. Было слышно, как загремели отодвигаемые стулья, экзаменуемые встали. Сейчас полковник отдаст рапорт... Генерал вышел из дверей со злополучной картой в руках, разложил ее на подоконнике. Все, кто обитал у окна, тут же испарились, подальше от высокого начальства. Алексу пришлось приблизиться.

– Какое вы приняли решение, лейтенант?

– Обороняться при таком соотношении сил невозможно, поэтому я решил наступать. – Магу доложил принятое им решение. Генерал задумался.

– Интересно, – наконец произнес он. – Наступают при соотношении сил не менее чем три к одному. Это аксиома, а вы бросаетесь в атаку, имея одного своего солдата против четырех у противника. И вы думаете, ваш план реален?

– Вполне, господин генерал, – выпалил Алекс, замерев по стойке «смирно».

Генерал выжидательно уставился на лейтенанта, давая тому возможность одуматься и изменить свое решение. Фирменная челюсть семейства Магу не шелохнулась. Офицер продолжил молча «есть» начальство своими абсолютно честными глазами. Убедившись, что офицер твердо намерен стоять на своем, генерал скомандовал:

– Вольно, лейтенант. Ваше имя, должность и часть.

– Лейтенант Магу, командир третьей роты, второго батальона, сто четырнадцатого Текульского пехотного полка!

– Подождите, – наморщил лоб генерал, – Магу, Текульский пехотный...

Сердце Алекса ухнуло в пропасть, сейчас вспомнит о том, что он попал в плен к бандитам, и...

– Это ваша рота брала Харешский перевал?

– Так точно, господин генерал-лейтенант! Но я не думал...

– А вот это зря, лейтенант, судя по тому, как была задумана и проведена операция, вы умеете не только думать, но и воплощать свои замыслы, что для офицера ничуть не менее важно.

Подозвав одного из слушателей, генерал приказал ему вернуть учебную карту обратно в аудиторию, затем повернулся к лейтенанту.

– Следуйте за мной, лейтенант.

Генерал энергичным шагом, привычно придерживая левой рукой саблю, двинулся по коридору, Алекс едва поспевал за ним. «Точно кавалерист», – решил про себя Магу. Коридор вывел в просторный холл, общий и для Генерального штаба, и для его академии. Как и ожидалось, они миновали неподвижно застывшего гвардейца с винтовкой у ноги, поднялись по широкой парадной лестнице, повернули направо и оказались в еще одном коридоре, гораздо более широком и куда лучше отделанном, чем академический. Звуки шагов тонули в толстой ковровой дорожке.

Алекс уже начал догадываться, с кем его свела злодейка судьба, не так уж много генерал-лейтенантов значилось в списках руоссийского генштаба. Генерал взялся за блестящую бронзовую ручку и открыл тяжелую створку полуторасаженной двери. На латунной табличке, привинченной к двери, значилось «Генерал-квартирмейстер А. Л. Скоблин», главный противник плана Быстраго-Новославского, к которому лейтенант Магу имел самое непосредственное отношение.

Махнув рукой начавшему вставать адъютанту, Скоблин также стремительно пересек приемную и исчез в своем кабинете, оставив дверь приглашающе открытой. Алексу ничего не оставалось, как последовать за ним, осторожно прикрыв дверь за собой.

Генеральский кабинет оказался ожидаемо велик. Большую его часть занимал длинный стол, на котором лежали рулоны нескольких карт. Сам хозяин уже успел занять кресло за письменным столом.

– Садитесь, лейтенант.

Алекс опустился на указанный генеральской рукой жесткий казенный стул. Некоторое время генерал с интересом разглядывал сидевшего перед ним офицера. Пауза уже начала затягиваться, когда главный квартирмейстер руоссийской армии заговорил:

– К чему представлены за оборону перевала?

– К Егорию четвертой степени, господин генерал-лейтенант.

– Так я и предполагал, – кивнул Скоблин. – И вы его, безусловно, заслужили. Но зачем вам это понадобилось?

– Что, простите, понадобилось?

– Не прикидывайтесь глупее, чем вы есть, лейтенант Магу. План Быстраго и Новославского уже был практически отклонен, когда вдруг как чертик из табакерки выскочил банкир Магу, который до этого армейскими делами отродясь не интересовался, и мнение государя тут же склонилось в их пользу. Надеюсь, свою причастность к этому делу вы отрицать не будете?

– Не буду, – не стал отнекиваться Алекс. – Зачем мне это было надо? А вы, господин генерал-лейтенант, спросите у тысяч руоссийских подданных, которые сидели в ямах на правом берегу Темерюка! Мне в одной из них тоже пришлось посидеть!

К счастью, лейтенант сумел сдержаться и не повысит голоса, но его эмоциональная речь, похоже, произвела впечатление.

– Не думайте, лейтенант, что вам одному в этой жизни лиха хлебнуть пришлось. Поэтому я ваши чувства понимаю. И почему вы лично на этот перевал отправились, тоже понимаю. Но давайте объективно посмотрим на положение дел, сложившееся в результате ваших действий. План летней кампании на этот год окончательно сорван. В лагерях на Темерюке до сих пор находится более ста пятидесяти тысяч горцев. Вывести их всех в султанат удастся не раньше начала осени, поэтому вывести оттуда резервный корпус можно будет только к зиме. Что-то хотите возразить, лейтенант?

– Так точно. В ходе операции корпус почти не понес потерь. И расход боеприпасов был минимальным, за исключением одной только роты. Восстановить боеспособность корпуса можно в кратчайшие сроки.

– А что с ним дальше делать прикажете, господин лейтенант? Раньше следующего лета поход на Гохару невозможен. В результате, вместо богатейшей Гохарской долины империя

получала десяток тысяч квадратных верст безжизненных гор и дипломатические проблемы с султанатом.

Дождавшись, когда генерал закончит говорить, Алекс рискнул вклиниться:

– На темерюкском направлении в прошлом году сложилась исключительно благоприятная обстановка, а Гохара никуда от нас не денется.

– Не денется, – досадливо поморщился Скоблин. – Но сроки, лейтенант, сроки. Гохара – то хлопок, а хлопок – то... Впрочем, это уже вас не касается. Значит так, мне нужен умный и инициативный офицер для выполнения очень важного задания. У вас есть шанс исправить то, что натворили в прошлом году. Задавайте вопросы, не стесняйтесь.

– Я могу узнать суть задания?

– Конечно, сразу, как только дадите согласие.

«Издевается, гад», – подумал Алекс.

– Как я понимаю, задание сопряжено с немалым риском?

– Скорее, с бытовыми трудностями. Я уже отправлял туда трех офицеров своего управления и двух самых перспективных выпускников Академии, все они вернулись ни с чем. Вот я и подумал, может, обычный пехотный лейтенант справится лучше?

Пристальный взгляд генерал-квартирмейстера мешал привести в порядок лихорадочно мечущиеся мысли. Хорошо бы, конечно, утереть нос штабным хлыщам с академическим образованием. С другой стороны, обещал же отцу ни в какие авантюры больше не ввязываться, а тут еще и втемную. В конце концов, Алекс решил, что в этом году ему сидения на Харешском перевале вполне хватило и что несколько месяцев спокойной жизни он честно заслужил.

Лейтенант решительно поднялся со стула.

– Разрешите отбыть обратно в полк, господин генерал-лейтенант?!

Скоблин не стал скрывать своего разочарования. Махнул рукой.

– Ступайте, лейтенант.

Безупречно выполнив поворот «кругом», Магу покинул генеральский кабинет. Однако чем дальше удалялся от приемной генерал-квартирмейстера, тем менее уверенным становился его шаг. Можно, конечно, вернуться в Текуль и неспешно тащить ляжку ротного командира в провинциальном гарнизоне, своевременно и неспешно получая очередные звания. Можно попытаться поступить в академию в следующем году, офицеру с такими наградами не откажут во второй попытке. Тогда взлет в карьере обеспечен, можно и генералом стать. Еще можно перевестись в гвардию и лихо покорять сердца дам полусвета на пару с лучшим другом, при этом не забывая вовремя лизнуть нужную сиятельную задницу. Тоже можно в генералы выйти. А можно послать все к черту, выйти в отставку и заняться... А чем, собственно, ему заниматься в отставке?

Алекс уже спустился с лестницы и остановился в десятке шагов от часового. Если пройти мимо него, то обратно его уже не пустят. «Обратной дороги не будет». Лейтенант развернулся и, прыгая через ступеньку, взбежал обратно на второй этаж. Едва успел козырнуть толстому полковнику, бросившему на него неодобрительный взгляд, и нырнул в уже знакомый коридор. Прежде чем войти в приемную, Алекс привел в порядок мысли, успокоил дыхание и одернул мундир.

– Доложите господину генерал-лейтенанту, что у него просит приема лейтенант Магу.

Адъютант, видевший, как буквально пять минут назад лейтенант выскочил из этого кабинета, тем не менее доложил. Вернувшись из кабинета, оставил дверь приоткрытой.

– Проходите, господин лейтенант, генерал вас примет.

Алекс дошел до середины стола и замер на середине генеральского кабинета.

– Передумали, лейтенант?

– Так точно, передумал.

– Почему?

– На перевале сильно замерз, господин генерал-лейтенант, решил на гохарском солнце погреться.

Скоблин оценил шутку, чуть приподняв уголки губ под закрученными «кавалерийскими» усами. Квартирмейстер подошел к длинному столу, выбрал один из лежащих на нем рулонов и развернул его.

– В таком случае смотрите сюда.

Алекс подошел и взглянул на карту. Так и есть, Гохарский эмират и Корандское ханство, он не ошибся.

– Это – Дарен, наш форпост на этом направлении, – начал пояснения Скоблин, – планируется сосредоточить здесь к следующей весне резервный корпус и начать наступление сначала на Коранд, а затем и на Гохару.

Генеральский палец прочертил линию от черного кружка, обозначавшего Дарен, на юго-восток к черному кружку Коранда, а затем повернул на восток к Гохаре.

– Этот план ни для кого секретом не является, другого направления для продвижения к Гохаре просто нет, с севера их прикрывает безжизненная пустыня Тюра-Кум. Остается только обойти ее с запада, потом повернуть на Коранд и Гохару. Но именно этого от нас и ждут. Ханство заключило с эмиратом союз, здесь нас встретит их объединенное войско. Причем встретит на хорошо укрепленных позициях, которые придется брать в лоб. Солдаты у них паршивые, оружие старое, хотя есть сведения, что Гохара решила купить партию новейших бритунийских винтовок и патроны к ним. Но даже без этих винтовок мы можем умыться большой кровью.

Во время генеральского монолога Алекс сохранял почтительное молчание, решив, что, когда мнение лейтенанта Магу потребуется, его спросят.

– Между тем здесь, в самом узком месте через пустыню есть проход! Зубурук – Габат – Сфаган – Зафар.

Генеральский палец перечеркнул пустыню с севера на юг.

– От Зубурука до Зафара около четырехсот верст, из них триста пятьдесят непосредственно через пустыню. Там даже не дорога, а караванная тропа. Пропускает от четырех до восьми пар караванов в неделю в оба направления. Габат и Сфаган – мелкие селения, меньше сотни человек, занятых обслуживанием караванщиков. Больше там никого и ничего нет, потому что нет воды. Между тем этот путь выводит непосредственно к Гохаре, в тыл всем оборонительным позициям. Но все, кто проходил по этой тропе, в один голос утверждают, что провести и снабжать по ней больше чем батальон нельзя.

Скоблин сделал паузу, взглянул на лейтенанта. Алекс изобразил на лице почтительное внимание. Тогда генерал продолжил:

– Если удастся перебросить к Зафару хотя бы два полка, то можно идти напрямик на Гохару. В поле их сброд, именуемый войском, мы разгоним без труда. Я отправил пять экспедиций. Пять! Привлекали геологов, местных жителей, и ничего. Никакого результата. Все дали однозначное заключение – воды нет, войска провести невозможно. Вам предстоит возглавить шестую. Можете задавать вопросы, лейтенант.

Первым делом Алекс высказал соображение.

– Не стоило привлекать к поискам местных жителей.

– Почему?

– Если бы они знали, где в пустыне есть вода, они бы ее давно нашли.

– Вполне здравая мысль, лейтенант, но мы должны были проверить все варианты.

«С вас просто взяли деньги, да еще и посмеялись при этом». Эту свою мысль Алекс высказывать не стал.

– Если пять экспедиций во главе со специалистами не дали результата, то почему вы считаете, что шестая с пехотным лейтенантом во главе сможет добиться успеха?

– Утопающий хватается за соломинку. – Затем Скоблин внезапно сменил тему: – Вы слышали что-нибудь про отряд генерала Каурбарса?

– Никак нет, господин генерал-лейтенант.

– Мало кто про него знает. Эту страницу нашей истории постарались поскорее забыть. Лет сто пятьдесят тому назад генерал Каурбарс взял Зубурук. Затем неожиданно быстро прошел через пустыню и оказался под стенами Гохары. Город не был готов к обороне, и эмир решил сдаться. Отряд генерала вошел в город. Каурбарс отправил донесение об этом, после чего бесследно исчез вместе со всем отрядом.

– Как исчез? – не выдержал Алекс.

– Я же сказал, бесследно. А там было пять тысяч солдат и полтора десятка пушек! После таких потерь нашим войскам пришлось оставить Зубурук. Второй раз мы его взяли только сто лет спустя. Ну, об этом вы уже знаете.

– Так точно, господин генерал-лейтенант, знаю.

– Вот я и хочу знать, как Каурбарсу удалось преодолеть пустыню. Не по воздуху же он летел!

– Осмелюсь предположить, господин генерал-лейтенант, а не может быть так, что численность отряда была слегка преувеличена?

– Нет, – решительно отмел такую возможность Скоблин. – Все архивы сохранились. Вместе с генералом одних только полковников пропало четверо, да подполковников – девять, прочих служивых больше пяти тысяч.

Да, пожалуй, квартирмейстер прав, при таком количестве старших офицеров численность отряда никак не могла быть меньше трех тысяч, а скорее, приближалась к названной генералом.

– Я не требую от вас найти воду в пустыне, этим занимались специалисты и ничего не нашли. Возьмете в Зубурукском полку полтора десятка солдат, пройдите по караванной тропе и попытайтесь понять, как это удалось Каурбарсу. Задача ясна?

– Так точно, господин генерал-лейтенант!

– В конце концов, Каурбарс был пехотинцем, как и вы. В Зафар вам соваться нельзя, там эмирский гарнизон, дойдите до Сфагана, может, чуть дальше. Конспирацию вам соблюсти все равно не удастся, но руоссийские мундиры лучше напоказ не выставлять. Есть вопросы?

– Так точно, господин генерал-лейтенант, есть! Столь пристальный интерес к этому маршруту может насторожить гохарцев.

– Не думаю, что предыдущие пять экспедиций прошли незамеченными, тем не менее численность зафарского гарнизона не увеличилась ни на один штык, – возразил Скоблин, – они твердо уверены в непроходимости этой тропы для большого отряда.

– Понятно, господин генерал-лейтенант. Когда необходимо приступать?

– Немедленно. У вас есть какие-то дела в столице?

– Так точно. Через четыре дня я должен присутствовать на большом приеме.

– Награждение за перевал, – догадался Скоблин.

– Так точно! И еще один вопрос, господин генерал-лейтенант, могу я взять с собой двух унтеров из своей роты?

– Зачем?

– При них я буду спокоен за свою спину, – пояснил Алекс и торопливо добавил: – Они смогут прибыть в столицу в течение четырех суток.

– Хорошо, – согласился квартирмейстер, – я дам распоряжение полковнику Новославскому. Но на пятый день вы должны отправиться в дорогу. Все необходимые бумаги вам начнут готовить немедленно, послезавтра сможете их забрать у подполковника Тришина, с ним же согласуете все детали. Еще вопросы?

– Никак нет, господин генерал-лейтенант!

- В таком случае можете идти. И постарайтесь разгадать секрет Каурбарса.
- Слушаюсь, господин генерал-лейтенант!

На этот раз Алекс покидал штаб не так быстро. Затея с академией провалилась, вместо обещанной отцу спокойной жизни ввязался в очередную авантюру, теперь дома предстоит пережить нелегкий разговор. Выйдя на улицу, лейтенант подозвал извозчика.

- Куда прикажете?
- На главпочтамт.

Прежде чем возвращаться домой, где его ждали тяжелые разговоры сначала с отцом, а потом с матерью, Алекс решил дать телеграмму в полк.

Поведением своего младшего сына Виктор Магу был недоволен. Крайне недоволен.

– Как ты мог?! Нет, как ты мог влезть в такое дело? Вспомни, что ты мне обещал! А сам, едва только вышел из госпиталя, как опять лезешь под пули! Ты о матери подумал?

Алекс постарался притушить отцовский гнев.

– Подумал, папа, я обо всем подумал. Всего-то и надо – проверить караванную тропу. Вся поездка туда и обратно займет не больше месяца. У меня будет полтора десятка солдат и опытный проводник. Никакой стрельбы или поножовщины, никакого риска. В конце концов, я офицер и обязан выполнять приказы начальства.

Приведенные сыном аргументы на позицию банкира почти не повлияли.

– А тебе известно, что этот Скоблин был главным противником вашего плана? Ах, известно! Так какого же черта... И не надо мне рассказывать, что вы встретились случайно! Не верю я в такие случайности. А начальство твое сидит в Текуле.

– Он же генерал-квартирмейстер, то есть имеет право распоряжаться всеми военнослужащими русской армии.

О некоторых моментах в разговоре со Скоблиным Алекс благоразумно умолчал.

– Тоже мне высшая инстанция, – фыркнул Виктор. – Над ним тоже начальники найдутся: начальник штаба, министр, император, наконец!

– Папа, скажем так, я не очень возражал против этой командировки.

– Говори уже прямо, ты на нее с радостью согласился, едва только предложили.

– Не сразу и без радости, но согласился. А отказываться уже поздно, приказ подписан. Я даже Фелонова и Ивасова из полка вызвал, поедут вместе со мной.

– Спасибо, успокоил. Я могу не волноваться, когда ты путешествуешь за границу империи в такой компании. Один громила с пудовыми кулаками, не упускающий случая помахать ими, а второго хлебом не корми, дай только подпалить фитиль, ведущий к бочке с порохом.

– Не преувеличивай, папа, они вполне приличные люди.

– В свободное от службы время, – подхватил мысль сына Виктор, – а на службе твоему Фелонову что закурить, что глотку кому-нибудь перерезать, никакой разницы.

– Так в этом и есть его основная добродетель, он режет глотки только тем, на кого я укажу!

– Ладно, – подвел итог разговора банкир, – вижу, что ты для себя уже все решил и отговаривать тебя бесполезно. Езжай, но с матерью будешь объясняться сам, здесь я тебе не помощник.

Первый барьер был взят, но уходить к себе Алекс не спешил.

– Хорошо, объяснюсь. Но я хотел бы посоветоваться с тобой еще по одному делу.

– Что ты еще задумал?

– Ничего для меня опасного, хочу заказать и поставить два креста, один на перевале, второй на могиле. Думал, вернусь после экзаменов и займусь, а теперь даже и не знаю.

– Найди в полку заслуженного и всеми уважаемого инвалида, поручи ему. А лучше... пусть соберут деньги по подписке, так дольше помнить будут. Сам дай сотни две-три.

– Спасибо за идею, папа. Надо будет действительно сбор денег организовать. Но двух сотен хватит на оба креста, еще и останется.

– А на оставшееся пусть помянут солдатиков, – подсказал банкир. Виктор достал из шкафа пузатую бутылку темного стекла и пару рюмок. – Давай и мы помянем. Не хотел тебе говорить, да чего уж теперь, Лисово убили.

– Как? Кто убил?

– Когда он вам второй караван готовил, кто-то его опознал как руссийца. Толпа растерзала его прямо на улице.

– Хамиди – сволочь.

– Кто? – не понял банкир.

– Бей, который меня похитил, – пояснил Алекс, – после того, как стал инвалидом, перебрался в Гатуни, других знакомых у Лисово там не было.

Надо, надо было навестить Хамиди, когда была возможность. И удавить гада. Тогда маленький серый человечек был бы жив. А может, и запас дров на перевале удалось пополнить. Теперь уже поздно, остается только сожалеть об упущенной возможности.

Виктор разлил коньяк по рюмкам.

– Хороший был человек, преданный.

Выпили, как полагается, не чокаясь. Вкуса дорогого коньяка Алекс не ощутил.

Если подготовка к первому награждению лейтенанта Магу протекала в обстановке немалого волнения и суеты, то сейчас все было намного тише и спокойнее, над всеми довлело скорое расставание и отъезд Алекса в опасную, что бы он ни говорил, командировку на одну из отдаленных границ империи. Тем не менее новые мундир и брюки ему пошили. Купили новые перчатки. Сапоги и фуражка практически не ношенные, сабля уже имелась.

Во дворец Алекс прибыл, сияя как новенький пятак. Выйдя из экипажа, он поднялся по гранитным ступенькам и влился в людской ручеек, втекавший в парадный вход. Суровый гвардейский капитан, бросив на лейтенанта пренебрежительный взгляд, отыскал фамилию Магу в списках приглашенных и коротко махнул рукой стоявшим у дверей гвардейцам, чтобы пропустили.

В вестибюле дворца лейтенанта охватило дежавю. Все тот же гомон ожидающей приема толпы, сверкающей золотом и бриллиантами. Нешуточное волнение провинциальных чиновников и гарнизонных офицеров, впервые попавших на прием неведомо за какие заслуги. И острое чувство одиночества. Не найдя ни одного знакомого лица, Алекс постарался держаться поближе к зеленым армейским мундирам с минимумом золотой мишуры на них. Расшитые золотом и обвешанные орденами генералы и сановники вдруг показались ему чужими.

Все тот же усатый и пузатый камергер проинструктировал награждаемых. Алекс привычно пропустил его инструкции мимо ушей. Когда их начали выстраивать по чинам и званиям, рядом с лейтенантом Магу оказался драгунский лейтенант с породистым аристократическим лицом в девственно чистом по части наград мундире.

– У вас от какого числа старшинство в чине?

Меньше всего Алексу сейчас хотелось мериться старшинством с этим драгуном.

– Да идите уже впереди.

Привычно пристроившись последним, Магу вошел в зал вслед за кавалеристом. Повернувшись налево, он поймал на себе удивленно-надменный взгляд дамы весьма выдающихся достоинств в еще интересном возрасте. Алекс дерзко подмигнул женщине, и она, вспыхнув, поспешно отвернулась и энергично заработала веером.

Наконец раздался трехкратный стук посоха, которого все уже ждали. Мгновенно стих многоголосый гул толпы придворных. Камергер провозгласил прибытие императора. Награждаемых было много. Пока император, вручая ордена, неторопливо продвигался вдоль строя,

Алекс успел заскучать. От нечего делать он пристально уставился на грудь все той же стоявшей напротив дамы. Обнаружив на себе лейтенантский взгляд и место, куда он уперся, дама заерзала, попыталась прикрыться веером, но его площадь была явно недостаточна для решения этой задачи.

Развлечения на грани пристойности были прерваны приближением императора. Вручив драгунскому лейтенанту «аньку», Александрис II сделал шаг и оказался перед Алексом. Паж с коробочкой уже стоял наготове, император не спешил.

– Это опять вы, лейтенант...

– Магу, ваше императорское величество, – дерзко вклинился лейтенант.

– Да, конечно, лейтенант Магу. Помнится, не так давно я даровал вам помилование и разрешил пребывание в столице.

– Так точно, ваше императорское величество!

Император повернулся к камергеру.

– И чем лейтенант Магу награждается на этот раз?

– Орденом Егория четвертой степени, ваше императорское величество.

– Однако! И где же вы отличились на этот раз?

– На Харешском перевале, ваше императорское величество!

– Да, мне докладывали. Там было весьма горячее дело.

– Скорее, весьма холодное, ваше императорское величество!

Александрис пребывал в хорошем настроении и на очевидную дерзость лейтенанта изволил пошутить:

– Ничего себе не отморозили, лейтенант?

– Никак нет, ваше императорское величество, все при мне!

– В таком случае поздравляю вас, лейтенант.

Магу хотел было уточнить, с чем его поздравил император, с новым орденом или с тем, что он ничего не отморозил, но от такой очевидной дерзости все же благоразумно воздержался. Император вручил Алексу коробочку с орденом и традиционно пожал руку.

– Я уже говорил вам, что вы далеко пойдете?

– Так точно, ваше императорское величество!

Благосклонно кивнув лейтенанту, Александрис, сопровождаемый камергером и пажом, двинулся в обратную сторону.

Когда прием был окончен и император удалился, Алекс решительно направился к выходу. Ему еще надо было успеть на вокзал, встретить приехавших сегодня Фелонова и Ивасова. На пути лейтенанта возник солидный господин в мундире Министерства иностранных дел. В МИДе, даже у швейцара, золота на мундире больше, чем у иного армейского генерала, а этот, судя по месту на приеме, генералом не был. Даже не представившись, мидовец предъявил претензию:

– Лейтенант, вы были непочтительны с моей женой, я требую удовлетворения.

«Насчет твоей жены я бы еще подумал, а о своем удовлетворении можешь позаботиться сам». Разбираться с этим оскорбленным чинушей ни времени, ни желания не было.

– Меня зовут лейтенант Магу. Завтра я отбываю из столицы. Хотите стреляться – присылайте секундентов сегодня вечером в особняк моего отца. Не хотите – идите к черту.

Обогнув изумленного мидовца, Алекс скатился вниз по лестнице, миновал стоявших у входа гвардейцев и вдохнул полной грудью свежий воздух. Щелкнув крышкой часов, он затопился к экипажу, времени до прибытия поезда оставалось в обрез.

Пока семейная карета, покачиваясь на мягких рессорах, везла Алекса на вокзал, он не выдержал, открыл коробку, коснулся пальцем белоснежной эмали креста с изображением Егория. Возникло искушение немедленно прикрепить его на мундир, но лейтенант сумел его преодолеть. Лучше сделать это дома, тщательно выверив положенное для такой награды место.

– Приехали, господин Магу!

Поезд из Червонодара уже прибыл. Толпа встречающих и приехавших хлынула с платформы, пришлось пробираться через нее, лавируя между идущими навстречу людьми и катящимися тележками с багажом. Миновав пыхнувший паром паровоз, лейтенант начал высматривать сослуживцев. Как и ожидалось, оба малость помятых с дороги унтера озираясь стояли у вагона третьего класса.

– Здорово, орлы!

– Здравия желаем, господин лейтенант!

– Как доехали? Все в порядке? А мне сегодня сам император Егория вручил, – не удержался от хвастовства Алекс, – прямо с приема на вокзал. Так что сегодня вечером есть повод, орден надо непременно обмыть.

У унтеров на мундирах уже красовались солдатские кресты того же ордена, на награды уцелевшим солдатам не поскупились.

– Это весь ваш багаж? Носильщик!

Свободный носильщик уже направился к ним, но тут влез Ивасов:

– Господин лейтенант, это еще не все, у нас есть груз в багажном вагоне.

– Пошли, получим.

Обрадованный встречей лейтенант не заметил смущения своих сослуживцев. Груз из багажного вагона пришлось подождать. За время ожидания Алекс успел узнать все полковые и текульские новости. Наконец, согласно багажным квитанциям, им выдали два зеленых ящика, каждый из них тащили два грузчика. Глядя на ящики, офицер поинтересовался:

– Это то, о чем я подумал?

– Так точно, господин лейтенант! Новославский сказал, что в полку он не нужен, все равно патронов к нему – кот наплакал. А числится он лично за вами.

Для перевозки «гартинга» пришлось нанимать ломового извозчика. Ивасова отправили сопровождать груз, а Алекс с Владом поехали в карете. Впервые попавший в столицу унтер-офицер не мог отлипнуть от стекла, рассматривая проплывавшие за окном дома и дворцы. Алекс не стал отвлекать Фелонова, когда ему удастся еще прокатиться по столичным проспектам в карете.

Но вот карета свернула с улицы, миновала ворота и остановилась у парадного входа в особняк. Не успел Алекс ступить на землю, как возле кареты нарисовался дворецкий.

– Комнаты для гостей готовы?

Вопрос смутил домоуправителя.

– Я их в людской хотел...

Лейтенант быстро шагнул к дворецкому и тихо, так, чтобы не услышал Фелонов, прошепел:

– С ума сошел? Ко мне сослуживцы приехали! Я с ними из одного котла хлебал, а ты их в людскую? Быстро приготовить две гостевые комнаты!

– Слушаюсь, господин Магу.

– И насчет вещей распорядись, – бросил ему Алекс.

– Будет исполнено, господин Магу.

Давая дворецкому время на подготовку комнат, лейтенант предложил подождать приезда Ивасова с «гартингом», а пока прогуляться по окружающему особняк небольшому саду. А заодно и предстоящее дело обсудить.

– Знаешь, зачем я вас вызвал?

– Никак нет, полковник только сказал, что дело важное и очень секретное.

– Это он несколько преувеличил. Надо проверить караванную тропу через пустыню.

Лишних вопросов унтер задавать не стал. Надо проверить, значит, надо.

– Надеюсь, – продолжил Алекс, – что наш вояж обойдется в этот раз без стрельбы. Но револьвер свой на всякий случай проверь. Вот с водой там еще хуже, чем в горах, придется потерпеть. Зато мороза не будет.

– И то слава богу, – поежился унтер.

– Начальство торопит, поэтому выезжаем завтра днем. Оружие, снаряжение и солдат для охраны получим на месте. Ты когда-нибудь на верблюдах ездил?

– Я их в глаза не видел.

– Я тоже. Всем придется научиться. Ладно, все дела начнутся завтра, а сегодня... – Алекс сделал многозначительную паузу, – сегодня гуляем!

Секунданты от оскорбленного мидовца так и не прибыли.

В два часа пополудни жара достигла апогея, все живое попряталось в тень. Палимый безжалостным солнцем городишко на южной окраине огромной империи будто вымер в ожидании, когда дневное светило склонится к горизонту и жара начнет сменяться вечерней прохладой. Почтовая карета прибыла в Зубурук в это самое неподходящее для любой человеческой деятельности время.

Промокнув платком выступивший на лбу пот, лейтенант водрузил фуражку обратно на голову.

– Это даже не баня, это какая-то чертова жаровня.

На почтовой станции им указали направление, и всего через четверть часа они оказались перед воротами местного полка. Однако это короткое путешествие по пыльным раскаленным улочкам Зубурука всем троем далось нелегко, на белых летних мундирах выступили большие темные пятна.

Сам Зубурук чем-то напоминал Текуль, несмотря на то, что вместо широкого, полноводного Темерюка им по дороге попался узкий, полупересохший ручей, медленно несущий мутную воду по полосе сухой, покрытой глубокими трещинами грязи. Но, судя по глубине русла, весной уровень воды поднимается на пару саженей. А в остальном такая же выжженная солнцем трава, пожелтевшая листва на деревьях и глубокая печать отдаленной руоссийской провинции на всем городишке.

Штаб сто седьмого Зубурукского пехотного полка будто вымер. Только часовой безмолвным истуканом замер у знамени. Потыкавшись в запертые двери, они, в конце концов обнаружили в одной из канцелярий кемарившего прямо за столом писаря, видимо, забывшего запереть дверь.

– Нет никого. Вот часа через два, как жара спадет, так и приходите.

Выдав ценную информацию, писарь уронил голову на руки, потеряв всякий интерес к нарушившим его покой посетителям. Алекс ощутил приступ настоящего бешенства.

– Встать!

Писарь нехотя приподнял голову.

– Чего?

– Встать!

Лейтенант так грохнул кулаком по столу, что подпрыгнул стоявший на нем письменный прибор, на столе расплылось пятно от упавшей набок чернильницы. До писаря дошло – заезжий столичный офицерик не шутит и не просто так воздух сотрясает. Еще немного – и морда будет битой. Писарь поспешно поднялся, застегивая мундир и стараясь придать лицу глуповато-почтительное выражение. Последнее у него получалось не очень правдоподобно.

– Где ремень?! Как стоишь перед офицером, скотина?! Смирно!

Затянув ремень на объемистом животе, писарь вытянулся и замер. Оба унтера наблюдали за разворачивающимся действием из-за спины лейтенанта с явным одобрением. Эту мелкую штабную сошку никто не любит, даже собственное начальство. Использует, терпит, признавая

полезность, прикрывает от неприятностей за мелкие прегрешения, но никаких симпатий не испытывает.

– Где командир полка и остальные офицеры штаба?

– Убыли два часа назад, господин лейтенант!

– Сам вижу, что убыли! Я спрашиваю, куда?

– Так, э-э-э... по домам убыли. Жарко же. Часа через полтора-два вернутся.

– Вольно! – разрешил писарю Алекс и, повернувшись к унтер-офицерам, бросил: – Пошли отсюда.

Кипящий от возмущения лейтенант выскочил за дверь, оба унтера вышли за ним. Едва только они показались в штабном коридоре, как в нем спешно захлопнулась пара дверей. Потревоженные поднятым шумом штабные обитатели выглянули, чтобы выяснить его источник, но встреча с разозленным офицером в их планы не входила. Миновав все так же неподвижного часового, Алекс вышел на залитый горячим воздухом полковой двор.

– Что делать будем? – поинтересовался Фелонов.

– Что делать, что делать? Ждать будем, что нам еще остается.

Фелонов остановил проходившего по своим делам солдата явно нестроевого вида.

– Эй, солдатик, где здесь можно водички набрать.

– Тама, господин унтер-офицер.

– Где «тама»?

– Тама за углом колодец, все воду берут.

– Ладно, ступай.

Утолив жажду и расположившись в тени на лавочке, троица больше часа наблюдала за повседневной жизнью Зубурукского полка. Насмотревшись, Ивасов подвел итог:

– Не полк, а купеческий лабаз какой-то, только приказчиков не хватает.

– А вот и его степенство пожаловать изволили, – заметил Фелонов.

К штабному крыльцу подкатил крытый экипаж, из которого выскочил шустрый лейтенант и помог выбраться толстому полковнику. Подождав, пока командир полка с адъютантом скроются за дверью, лейтенант Магу поднялся с лавки.

– Ждите меня здесь.

К этому моменту, несмотря на жару, Алекс успел остыть. В конце концов, ему здесь дальше не служить, как приехал, так и уедет, а здесь все останется по-прежнему. Тогда и нечего со своим уставом лезть в чужой полк. Главное, получить все необходимое для экспедиции.

Похоже, его появления здесь никто не ждал, тем не менее командир полка принял лейтенанта незамедлительно.

– Лейтенант Магу, прибыл с пакетом от генерал-лейтенанта Скоблина.

– Полковник Жимаило, – представился хозяин кабинета.

Приняв пакет, полковник сорвал печати, нацепил на нос очки и пробежал глазами содержимое, после чего внимательнее присмотрелся к лейтенанту.

– За какое дело награждены Егорием, лейтенант?

– За оборону Харешского перевала, господин полковник.

– Это, кажется, где-то на темерюкском направлении?

– Так точно, господин полковник.

Жимаило вздохнул, снял очки и перешел к местным делам.

– Телеграмму о вашем прибытии я получил, но ждал вас не ранее чем через три дня.

Из этой фразы Алекс сделал вывод, что к его приезду, несмотря на упреждающую телеграмму, ни черта не готово и придется в Зубуруке задержаться. Возможно, надолго. Тем временем полковник продолжил:

– Солдат я вам дам, верблюдами и припасами обеспечу, но надо будет немного подождать. Вы хоть раз в пустыне бывали? А ваши унтеры? Так я и думал. Я вам опытного унтер-

офицера дам, он во все предыдущие экспедиции ходил, но проводник вам все равно потребует. Проводника ищите и договаривайтесь сами. Публика эта весьма гонористая, не каждый согласится с военными дело иметь.

– Есть, найди самому, – влез в монолог полковника Алекс. – А могу я получить карту данного района?

Жимайло сделал жест рукой, давая понять, что нетерпеливому лейтенанту следует заткнуться и дослушать до конца.

– Карту вы, конечно, получите, только толку от нее немного. Саму караванную тропу ваши предшественники нанесли довольно подробно, но в пустыне очень мало ориентиров, а пески все время движутся, поэтому даже с картой и компасом легко сбиться с нужного направления. А что творится в паре верст в сторону от тропы, вообще неизвестно, туда никто не ходит. Не вздумайте экономить на проводнике, от этого будет зависеть и ваша жизнь, и моих солдат, здешняя пустыня весьма сурова и ошибок не прощает. Только не связывайтесь с всякими проходимцами, их здесь тоже хватает. Вы мне лучше скажите, лейтенант, что вы там хотите найти? Предшественники не в пример опытнее вас были, академическими значками щеголяли, а и то ничего не нашли.

– Вы, господин полковник, очевидно, слышали про отряд генерала Каурбарса. Я послан отыскать его следы и, по возможности, пути, которым он пересек пустыню.

– Если это, действительно, так, то ваша экспедиция – пустая трата времени и казенных средств. Если и были какие следы, то за сто лет их все песком занесло. Сказки все это. Где вы остановились, лейтенант?

– Пока нигде. С почтовой станции прибыли прямо сюда.

– Тогда сейчас мы вас на постой определим, а завтра делами займемся.

Все-таки темп жизни руоссийской провинции разительно отличается от столичной суеты. Подготовка экспедиции в Тюра-Кум шла невиданными для Зубурука темпами, не прошло и недели, как все необходимое было собрано. Это стоило Алексу репутации мелочного и склочного ябеда, а у полковника Жимайло на лейтенанта развилась сильнейшая аллергия, приступы которой провоцировались его появлением в полковничьем кабинете. Поэтому командир полка старался как можно реже появляться в штабе. В конце концов, все поняли, что спокойной жизни им не видать, пока лейтенант Магу находится в расположении полка, и постарались поскорее выпихнуть его в пустыню.

– Р-рявняйсь! Сми-ирна! Господин лейтенант, команда добровольцев в количестве двенадцати человек построена, докладывает старший унтер-офицер Хмылов.

Присланный полковником опытный унтер Алексу не понравился. Квадратный, рожа будто топором рублена, мелкие, глубоко посаженные и вечно бегающие глазки. Не иначе Жимайло подсунул экспедиции своего соглядатая.

– Вольно!

Лейтенант прошел вдоль строя, остановился напротив высокого костистого солдата с мрачным выражением лица.

– И ты доброволец?

– Так точно, господин лейтенант!

А сам прямого взгляда избегает. С другой стороны, хромых, косых и явно убогих в строю нет, солдаты как солдаты – мундир, кепи, старая капсюльная винтовка на плече, ремень с подсумками.

– Ты когда последний раз из винтовки стрелял?

Сосед костистого замялся.

– Так, это... господин лейтенант...

– Понятно. Фелонов!

– Я!

– Найди подходящее место, и чтобы каждый в мишень выстрелил хотя бы пять раз.

– Слушаюсь, господин лейтенант!

Хмылов хотел было раскрыть рот по поводу непредвиденного расхода казенных патронов, но, наткнувшись на выразительный взгляд офицера, предпочел оставить свою нижнюю челюсть в исходном положении.

Разобравшись с людьми, Алекс занялся животными. Для экспедиции пригнали два десятка вечно жующих двугорбых уродцев. Лейтенант с умным видом осмотрел приданное ему стадо. Если в лошадях он разбирался неплохо, то как понять, в хорошем ли состоянии находятся пригнанные верблюды, он даже не догадывался. Старший из погонщиков в звании ефрейтора просветил офицера.

– Вы, господин лейтенант, на горбы смотрите. Если верблюд упитанный, то горбы высокие и твердые, а как он жир израсходует, так они у него набок и ложатся.

Ни одного с лежащими горбами в стаде не нашлось.

– Еще бы, – похвалился ефрейтор, – самых лучших верблюдов отобрали.

– У кого отобрали?

Алекс только хотел пошутить, но ефрейтор такой шутки не понял.

– Так у кочевников же. Если верблюды нужны, то мы всегда у них отбираем.

Источник пополнения верблюжьего поголовья лейтенанта не интересовал, гораздо больше его волновало, как взобраться на этого конкретного верблюда. До впадины между горбами от земли почти сажень, вот и попробуй, заберись. Но оказалось, что сесть на верблюда можно достаточно просто, погонщик подошел, дернул повод, и животное послушно легло.

– Садитесь, господин лейтенант.

Алекс взобрался на покрытую густой шерстью спину. Верблюд флегматично повернул голову и взглянул, кому это там вздумалось лазить по его спине. Еще один рывок повода, офицер едва успел схватиться за передний горб, чтобы удержаться, и вот он уже восседает на приличной высоте от земли. Даже немного страшновато стало. Проехав пару десятков саженей, Алекс потребовал, чтобы его вернули на землю. Погонщик заставил животное лечь, и офицер получил возможность слезть с него. Опять оказавшись на ногах, лейтенант испытал большое облегчение.

– А вообще, – продолжил просвещать офицера ефрейтор, – верблюд – скотина глупая, упрямая и трусливая, если чего испугается и понесет – не остановишь, только держись. Но выносливая – жуть.

Представив, сколько дней придется провести на спине этой скотины, Алекс начал жалеть, что вообще ввязался в это дело. Часа через три вернулись со стрельбища солдаты.

– Ну, как?

Ответ Фелонова энтузиазма не вызвал.

– Двое только сейчас узнали, с какого конца винтовку заряжать. Половина с сотни шагов в мишень попадает уверенно, еще трое с двухсот, унтер Хмылов лучше всех – с трехсот. Вот только...

– Что?

– Не нравится он мне.

– Мне тоже, – разделил мнение унтера Алекс, – но другого у нас нет. На верблюдах ездить умеют?

– Кто их знает, может, и умеют.

Словом, все было готово. Не хватало главного – проводника. Двое караванщиков, которых удалось найти, отказались, ссылаясь на предварительные договоренности с купцами, которые вот-вот должны подвезти товар.

– Тут в Зубуруке никто не возьмется, – высказал свое мнение Хмылов, – надо в Габат идти, авось там кто-нибудь согласится.

– А до Габата нас кто поведет?

– Я и поведу, дело нехитрое. Дальше не возьмусь.

– Решено, – Алекс хлопнул ладонью по столу, – завтра выступаем.

Прежде чем выступить, Хмылов тщательно проверил все бурдюки с водой, взвесил и попарно распределил вес выюков с припасами так, чтобы на каждый бок животного приходился одинаковый вес. Только после этого приступили к посадке на верблюдов.

Для того чтобы взобраться на верблюда, почти всем пришлось прибегнуть к помощи все того же Хмылова. Кроме унтера еще только двое солдат могли совладать с животными самостоятельно. Конфискованная у местных кочевников скотина никаких команд на русском не понимала. В конце концов, все заняли свои места, верблюдов связали цугом, и караван из пятнадцати всадников и пяти выючных верблюдов начал свое неспешное движение к Габату.

Путешествие на верблюжьей спине оказалось вовсе не таким страшным, скорее, это был вопрос привычки. Шел верблюд ровно, без тряски, за весь день ни разу не споткнулся. Почти все первые сутки путь шел по степи. На юг вела довольно приличная по местным меркам дорога, вполне проезжая для армейских повозок. Но чем дальше от Зубурука, тем уже становилась дорога, суше земля и более чахлой растительность. К концу дня стали попадаться песчаные холмы. Наконец Хмылов испросил у Алекса разрешения встать на ночевку. К этому времени они уже часа два ехали между настоящими песчаными барханами. За весь день им попались два встречных каравана, еще один они обогнали.

Темнота наступила быстро, буквально полчаса назад еще багровел закат, и вот они уже под высоким звездным небом. Кроме того, лейтенанта поразил перепад дневных и ночных температур. Казалось бы, еще недавно все изнывали от жары, а сейчас уже зуб на зуб не попадает от холода. По расчетам лейтенанта, за этот день они проделали около сорока верст, что с учетом дневной температуры и «опытности» всадников было очень хорошим результатом.

Верблюдов связали попарно и отпустили пастись, искать среди песка редкие колючки. Пока солдаты, составив винтовки в козлы, жгли костер и готовили пищу, Алекс взялся за Хмылова. Унтер оказался хорошим источником информации по местным делам. Вот только прямо в глаза смотреть по-прежнему избегал.

– Кроме Габата и Сфагана на тропе еще колодцы есть, только воды в них может не быть, пересыхают. А там есть всегда, правда мало. И колодцы глубокие – жуть.

– А в других местах искать не пробовали?

– Как же, искали. И копали, и даже скважины бурить пробовали, без толку все, сухо. Пару раз, правда, находили, не успели обрадоваться, а вода – солоноватая, такую даже верблюды не пьют.

– Значит, полк ваш здесь не пройдет?

– Полк? Не, не пройдет.

– А осенью, когда дожди идут?

– И осенью не пройдет.

– Почему?

– Осенью воды, конечно, больше и такой жары нет, но в степи распутица начнется, бури песчаные опять же. К тому же солдат гораздо медленнее верблюда идет. Если караван от Зубурука до Гохары идет дней восемь-десять, то солдатам не меньше двух недель потребуется. Представляете, господин лейтенант, в каком состоянии они будут?

– Понятно. Завтра до Габата дойдем? – резко сменил тему Алекс.

– Дойдем. К вечеру будем.

В путь двинулись, едва только над горизонтом появился багровый краешек светила.

Глава 2

В Габат, как и обещал Хмылов, караван вступил уже в темноте. Впрочем, вступил – это громко сказано. Сам Габат – настоящая дыра. По меркам средней Руоссии, едва на хутор народу наберется. А здесь важнейшее на караванной тропе место, на всех картах отмеченное. А все потому, что здесь был колодец, не пересыхающий в самую сильную жару. Колодец располагался во дворе караван-сарая, явно знававшего лучшие времена. Сейчас же он был занят едва ли наполовину, несмотря на присутствие двух, пришедших до них, караванов с товарами.

– Господин лейтенант, с хозяином я сам обо всем договорюсь, – проявил инициативу Хмылов, – вас этот жулик точно обдерет. А остальным прикажите пока с верблюдов вьюки снять.

Предложение выглядело вполне разумным, и Алекс с ним согласился. Озадачив солдат, лейтенант прошелся по внутреннему двору, образованному тремя двухэтажными зданиями. На первом этаже располагались загоны для животных и склады, на втором – помещения для караванщиков и купцов. С четвертой стороны двор замыкала высокая стена с аркой ворот. Точнее, сами створки ворот уже отсутствовали, но арка еще была на месте.

А в самом караван-сараяе можно было и оборону держать.

Вернулся Хмылов.

– Все готово, господин лейтенант. Можно еще лепешек свежих прикупить.

– Купим, только позже. Ты лучше скажи, местный колодец много воды дает?

– Как когда. Осенью до четырехсот ведер в сутки, а сейчас хорошо, если двести наберется.

Да и вода не очень добрая.

Чтобы полностью напоить верблюда, нужно десять ведер. Этого ему хватит дней на десять, прикинул Алекс. То есть сейчас колодец способен обеспечить водой двадцать верблюдов. Или четыре десятка осенью. Маловато. Солдатам нужно ведро воды в день на троих. Получается не больше тысячи двухсот штыков. Но им потребуется доставлять воду на протяжении всего шестидесятиверстного пути до Сфагана. Для этого придется задействовать тех же верблюдов, которым тоже требуется вода. Выходит, Жимаило и Хмылов правы, больше батальона здесь не пройдет. Но как тогда генерал Каурбарс провел пять тысяч?

От этих размышлений Алекс вернулся к более насущным проблемам.

– Кстати, ты про караванщика не расспрашивал?

Унтер сразу поскучнел.

– Пока никого нет, но скоро может появиться. Хозяина я предупредил, что мы караванщика ищем.

– Ладно, пошли устраиваться.

За долгий день на испепеляющей жаре все устали.

Хмылов снял в караван-сараяе две комнаты. Одну большую, для унтеров и солдат. Вторую, маленькую, буквально три на пять шагов, для лейтенанта. Причем в маленькую можно было пройти только через большую. Привычных окон в комнатах не было, их заменяло квадратное отверстие в потолке. Вентиляция и освещение одновременно.

Обе комнаты были абсолютно пустыми, все необходимое путешественники должны возить с собой. В качестве подстилки солдаты использовали войлочные кошмы, укрывались шинелями, ночи холодные, а печей в караван-сараяе предусмотрено не было. Буквально через четверть часа сумрак обеих комнат рвал бодрый солдатский храп.

На следующий день, с утра, оба купеческих каравана двинулись в путь, один в сторону Сфагана, второй – в Зубурук. А экспедиция лейтенанта Магу осталась на месте. Проводив караваны взглядом, Алекс поинтересовался у Хмылова:

– А может, присоединимся к одному из караванов?

– Не возьмут, – покачал головой унтер, – здесь не принято попутчиков брать. Караванщика нанимают там, где караван собирается. Тут же договариваются об оплате, и по дороге больше никого не берут, чтобы у других караванщиков заработок не отнимать. К тому же нам надо следы Каурбарса искать, а караван только по тропе идет и медленно.

С доводами Хмылова пришлось согласиться, тем более хозяин караван-сарая его слова подтвердил, а также заверил, что караванщика он им когда-нибудь непременно найдет. Только на третий день сидения в габатском караван-сарая, после шести неудачных попыток все-таки к кому-нибудь присоединиться, Алекс начал понимать, как лихо его провели. Нет в Габате никаких караванщиков, нечего им здесь делать. Все караваны формируются в Зубуруке, там их и надо было искать. Не стоит идти в глубь пустыни без караванщика, есть гораздо более быстрые и безболезненные, хоть и не такие надежные способы решения всех жизненных проблем.

Если вернуться назад, то вряд ли Жимаило даст людей и вьючных животных второй раз. Первый раз дал, не мог не дать, а второй уже не обязан, про это в приказе ничего не говорилось. Самому же полковнику очень не хочется лезть в пустыню, нынешняя ситуация его полностью устраивает, ему и в Зубуруке хорошо. Для этого он им Хмылова и подсунул. Сволочь. Еще, небось, и посмеялся над глупым лейтенантишкой, столь скрупулезно отбирившим припасы для экспедиции. А по возвращении над ним, не сумевшим пройти дальше Габата, будут смеяться и все остальные.

И дальнейшее сидение в Габате не имеет смысла. Воды и пищи для верблюдов здесь недостаточно, недели через две природный ресурс животных закончится и придется возвращаться. Вот и думай, лейтенант, что делать дальше. Идти вперед – опасно, вернуться – значит не выполнить задачу и стать всеобщим посмешищем, продолжать сидеть на месте – глупо.

– Эй, офицер!

Алекс невольно вздрогнул, рука сама легла на рубчатую рукоять револьвера. Сказано было по-русски, но с явным местным акцентом. Лейтенант, не торопясь, сохраняя достоинство, хотя какое может быть достоинство в такой дыре, повернулся. Солнечный свет, проникший сквозь крохотное окошко внутрь караван-сарая, позволял увидеть только силуэт аборигена.

– Ты ищешь караванщика?

На мгновение Магу задержался с ответом, не зная, как реагировать на такое беспардонное обращение, потом сообразил, что нравы здесь проще некуда, а разницы между «ты» и «вы» местные жители не видели в упор, пока их нагайкой не перетянешь поперек наглой морды. Но сейчас он не в том положении, чтобы плеткой размахивать, и караванщик ему действительно нужен. Очень нужен. От этого зависит многое, в том числе и его собственная жизнь.

– Да, ищу.

Алекс указал на кошму напротив себя. Абориген сделал шаг, коснулся ладонью правой руки груди, выказывая уважение хозяину, и присел одним, хорошо отработанным, движением. Лейтенант наконец-то смог рассмотреть его. По виду явный гохарец. Причем из южан, а не кочевник. Халат ветхий, но чистый, когда-то был весьма добротным и недешевым, но с той поры прошло много времени. Туфли стоптанные, сквозь дыру в штанине проглядывает острое колено, а вот шапка почти не ношенная. С определением возраста возникла заминка, худое, смуглое лицо было вне возраста, сидевшему могло быть и двадцать лет от роду, и все пятьдесят.

– Как ты вошел?

Гость ответил не торопясь:

– Я могу провести караван через пустыню, а уж войти в караван-сарай. . .

– Но на входе расположились сол. . . – Алекс едва успел прикусить язык, – мои слуги, они бы не пустили тебя.

Абориген проигнорировал вопрос лейтенанта и спросил сам:

– Ты идешь в Зафар? Там русским лучше не появляться.

– Знаю, поэтому мы идем только до Сфагана и обратно. Но ты не похож на караванщика. Абориген удивленно приподнял бровь.

– Тебе нужно, чтобы я был похож на караванщика или чтобы я провел караван?

Крыть было нечем.

– Но я не знаю тебя. Как тебе можно доверять?

– Шохад-караванщика здесь знают все. Любой скажет тебе, где меня найти, если надумаешь.

Шохад легко поднялся, опять коснулся груди правой рукой и двинулся в глубь строения.

Гордец.

– Сколько ты хочешь?

Караванщик обернулся.

– Три золотых червонца туда и три обратно.

– Но мы пойдем только до Сфагана, и у нас нет товара.

– Три туда и три обратно, – повторил Шохад.

Деваться было все равно некуда. Вернуться назад, поджав хвост, и ничего толком не выяснив, очень не хотелось. Еще раз все взвесив за доли секунды, Алекс решительно потрянул головой.

– Хрен с тобой, согласен.

– Выходим завтра, как только солнце появится над песками.

– Хорошо. Пропустите его, – приказал солдатам Алекс.

Шохад бесшумно исчез во тьме караван-сарая. Алекс мысленно выругался ему вслед и, опомнившись, отпустил рукоятку револьвера.

– Хмылов! Хмылов!

Унтер был где-то во дворе, но на крик Алекса явился незамедлительно.

– Здесь я, господин лейтенант!

– Ты про Шохад-караванщика что-нибудь слышал?

– Так он к вам и приходил!

– А что, другим экспедициям он тоже свои услуги предлагал.

– Предлагал, – подтвердил унтер, – только просил много, никто не соглашался.

– Я согласился.

Алекс с удовлетворением отметил, как скисла хмыловская физиономия.

– Ты мне скажи, караванщик он хороший?

– Раньше был хороший.

– А почему был?

– Да была у него в Гохаре какая-то темная история. То ли он кого-то убил, то ли у него кого-то убили, а он отомстил, но только за его голову объявлена награда и дальше Сфагана путь ему заказан. А кому он такой нужен? Вот и обитает здесь, перебивается случайными заработками.

– Но караван через пустыню он провести сможет?

Унтер пожал плечами.

– Говорят, раньше он был одним из лучших.

– Ну вот и отлично. Завтра на рассвете выступаем. Проследи, чтобы все было в порядке.

– Слушаюсь, господин лейтенант!

После ухода Хмылова Алекс позвал к себе Фелонова и негромко, так чтобы не смогли услышать солдаты, приказал:

– Присмотри за ним, не дай бог, что-нибудь эдакое сотворит, что мы посреди пустыни без воды останемся.

– Не извольте беспокоиться, присмотрю. Да и не такой он дурак, с нами же идет.

Не известно, какие указания дал полковник Жимаило старшему унтер-офицеру Хмылову, но, видимо, прямая диверсия в них не входила. По крайней мере, сам Хмылов ни в чем предосудительном Фелоновым замечен не был. Прибывший на рассвете Шохад, с высокомерно-снисходительным видом наблюдал за сборами руоссийцев, восседая на своем бактриане. Оружия, по крайней мере на виду, он не носил, но кто знает, что он может прятать под халатом. Наконец их небольшой караван тронулся в путь.

Когда Алекс смог рассмотреть шохадовского верблюда при дневном свете, то даже ему стало ясно, что тот отличается от тех, на которых ехали солдаты и он сам, так же как быстроногий скакун от тяжеловозов. Похоже, его специально выводили для скорости. Если караванщик вздумает сбежать, то догонять его будет бесполезно. Лейтенант сделал отметочку на память.

При передвижении в составе каравана практически невозможно поговорить с едущими спереди или сзади. Чтобы получить нужную информацию, приходилось ждать привала. А Алексу просто необходимо было очень многое узнать от караванщика, поэтому при первой же возможности он взялся за Шохада всерьез, вопросов у него накопилось много.

– Ты знаешь, зачем мы идем в Сфаган?

– Нет. Мое дело вести караван туда, куда прикажет хозяин. За это мне и платят.

– Я ищу следы большого руоссийского отряда, прошедшего здесь сто лет назад. Мне нужно знать, что с ним случилось. Ты слышал что-нибудь о нем?

Караванщик отрицательно покачал головой.

– Здесь, в самом сердце Тюра-Кум, веками ничего не меняется. Один день похож на другой, а этот год ничем не отличается от предыдущего. Прошли руоссийцы, и ладно, лет через двадцать никто о них и не вспомнит, а тем более через сто.

Услышав такое от Шохада, Алекс расстроился.

– И что же, ничего нельзя узнать?

– Почему нельзя? Можно. Я знаю человека, чья семья давно ведет летопись Гохары, он может посмотреть записи своих предков.

– Хорошо бы, – оживился Алекс.

– Я передам мою просьбу с попутным караваном, ответ мы подождем в Сфагане. Но я пять лет не видел его, – продолжил Шохад, – не знаю, захочет ли он выполнить ее.

– Съезди в Гохару сам, – забросил пробный шар Алекс, – все узнай. Я дам тебе деньги.

– Деньги не помогут. Я не могу поехать в Гохару, даже надолго задерживаясь в Сфагане, я сильно рискую. Эмир объявил за мою голову большую награду, есть немало желающих получить ее.

В этой части информация Хмылова о караванщике подтверждалась.

– А почему эмир хочет получить твою голову? – заинтересовался Алекс.

– Это наши с ним дела, – отрезал караванщик.

Видя, что углубляться в эту тему Шохад не намерен, Алекс перевел разговор на другую.

– Часа полтора назад мы проехали какое-то сооружение. Что это было?

– Колодец.

– Тогда почему мы не остановились?

– Сейчас там нет воды.

– А когда будет? – продолжил приставать к караванщику Алекс.

– Осенью, когда пойдут дожди.

– Значит, через пустыню лучше идти осенью.

Караванщик отрицательно покачал головой.

– Осенью часто бывают песчаные бури, а летом, бывает, и за сорок дней ни одной.

– А что, песчаная буря это так страшно?

– Если тебе повезет, офицер, – усмехнулся караванщик, – то ты этого никогда не узнаешь.

Алекс еще бы долго выяснял подробности местной жизни, но за день все сильно устали и просто валились с ног. На рассвете следующего дня караван двинулся дальше. Путь их шел то по твердой, утоптанной за сотни лет глинистой почве, то по песку среди песчаных барханов. Причем длина песчаных участков могла превышать десяток верст, несколько часов они двигались, не имея никаких визуальных ориентиров. Постепенно до Алекса стала доходить основная опасность такого путешествия – стоит только немного отклониться от правильного пути на песчаном участке, и караванную тропу можно уже не найти. Попробуй угадать, в какую сторону ты отклонился, вправо или влево.

Словно подтверждая опасения офицера, время от времени по сторонам от тропы белели старые кости. Большинство – верблюжьи, но попадались и такие, которые к животным отношения иметь не могли. На вопрос «Кто бы это мог быть?» Шохад только плечами пожал. Кто знает, может, среди этих бедолаг были и солдаты Каурбарса? Пустыня Тюра-Кум умела надежно хранить свои секреты.

Время от времени лейтенант контролировал направление по компасу, каждый раз убеждаясь, что Шохад ни разу от него не отклонился. В очередной раз, поднимаясь на песчаный холм, он видел за спиной прямую цепочку следов, оставленную их караваном. Тем не менее, когда вместо песка копыта верблюдов вступали на утоптанную глину тропы, он испытывал большое облегчение. И не он один.

После полудня справа от караванной тропы начали попадаться выходы скальной породы, а ближе к вечеру открылась ровная, сияющая в солнечном свете поверхность.

– Что это? – изумился Алекс.

– Солончак, – пояснил Хмылов, – когда-то озеро было, потом вода ушла, а соль осталась.

Действительно, вся плоская, как стол, поверхность бывшего водоема была покрыта белыми кристаллами соли. Успев вдоволь налюбоваться природным чудом в свете закатного солнца, караван добрался до стоявшего невдалеке от тропы полуразрушенного и почти полностью занесенного песком сооружения. Здесь Шохад решил остановиться на ночь. Верблюдов связали попарно и отпустили объедать торчащие из песка колючки.

Проверив, как устроились на ночлег солдаты, лейтенант продолжил донимать караванщика:

– А что здесь творится зимой?

Ответ Шохада ожидаем и поразителен одновременно:

– Холод и снег.

– Здесь бывает снег?

Едва спавшая дневная жара не допускала мысли, что эти раскаленные пески когда-нибудь может покрывать снег. Хотя через несколько часов песок остынет, и такая мысль будет казаться не такой уж крамольной.

– Бывает, – подтвердил Шохад, – мало, но бывает.

– А с водой как? – вернулся к главной теме лейтенант.

– В начале зимы немного лучше, а в конце даже хуже, чем летом.

– А песчаные бури зимой бывают?

– Бывают, – подтвердил караванщик.

Понемногу Алекс узнавал особенности местного климата и жизни аборигенов, но знания эти никак не приближали его к решению поставленных генералом Скоблиным задач.

Утром третьего дня всех сильно напугала большая серая змея. До сих пор ни один представитель местной фауны на глаза не попадался, только цепочки чьих-то следов на песке. А эта гадина приползла откуда-то ночью. Часовой ее не заметил, и только утром она была обнаружена одним из проснувшихся солдат. Тот завопил от страха. От солдатского вопля проснулись остальные. Унтер-офицер Фелонов, еще не успев открыть глаза, схватился за револьвер. А открыв их, увидел буквально в паре аршин от себя уродливую треугольную голову. Не думая,

он выбросил вперед правую руку, одновременно взводя курок «дефоше» большим пальцем, и нажал на спуск.

Когда рассеялся пороховой дым, все увидели извивающееся в агонии тело змеи. Пуля Фелонова буквально снесла ей голову, каким-то чудом больше никого не задев. Но даже без головы змея продолжала внушать ужас. Один из бледных от страха солдат несмело поинтересовался:

– Ядовитая?

Знатком местных змей оказался Хмылов.

– А то! Если за руку или за ногу укусит, сразу надо рубить. Тогда, может, и выживешь. А если в другое место, все – через несколько минут помрешь. А яду у нее на всех нас хватит.

Этим словам унтера все поверили безоговорочно. Змею подцепили примкнутым к винтовке штыком и отбросили подальше. Когда караван тронулся в путь, ее тело уже окончательно перестало дергаться.

К концу четвертого дня экспедиция добралась до цели своего путешествия – Сфагана. Само селение было точной копией Габата, если бы не выходы скальной породы поблизости. Оба караван-сарая были построены по одному проекту. Или в те времена еще не было проектов? Тогда их строил один строитель.

Первое, что заинтересовало Алекса – колодец.

– Сколько воды дает местный колодец?

Хмылов знал и это.

– Чуть больше габатского. Сейчас около двухсот пятидесяти ведер, осенью до четырехсот пятидесяти.

– Ясно. Найди хозяина караван-сарая, договорись насчет постоя. Мы здесь где-то на неделю.

Унтер, козырнув, потопал искать хозяина.

А у лейтенанта опять не сходились концы с концами, при таком количестве воды на пути через пустыню пять тысяч солдат с обозом и артиллерией никак не могли пройти. А если не прошли, то куда исчезли? Второе, что волновало Алекса – они не нашли еще ничего, что могло хотя бы приоткрыть судьбу отряда генерала Каурбарса. Пока что единственной надеждой было то, что знакомый историк Шохада-караванщика знает хоть что-нибудь. И сочтет нужным ответить на просьбу знакомого изгоя.

– Шоход, ты когда напишешь письмо своему другу?

– Уже написал, офицер. Завтра утром оно отправится в Гохару.

Такая оперативность караванщика показалась лейтенанту подозрительной. И когда только успел? Ведь весь день провел в седле на виду. Да и письменных принадлежностей у него никто не видел. Интересно было взглянуть, что он там написал, но теперь уже поздно. Не отбирать же письмо у того, кто согласился его доставить.

– Ладно. Шоход, расспроси завтра местных, может, кто-нибудь что-нибудь помнит. Понимаю, что сто с лишним лет прошло, но вдруг.

Караванщик молча кивнул.

После ужина солдаты расположились в таких же помещениях, как и в Габате, с квадратными окнами в потолке. Всем, кроме часовых, лейтенант приказал отдыхать, переход через пустыню был очень тяжелым. Сам Алекс, казалось, заснул еще до того, как голова его коснулась положенного в изголовье вьюка.

Утром Алекса разбудили дети. Играя во дворе караван-сарая, они производили изрядный шум. Лейтенант дотянулся до стоявшего в изголовье кувшинчика, но он был пуст, зато мочевого пузырь настойчиво напоминал о себе. Пришлось вставать. Оба часовых встрепенулись, увидев поднявшегося офицера. Алекс кивнул им, приветствуя и одновременно показы-

вая, что их бдительность отмечена начальством. Затянув ремень с кобурой револьвера и надев кепи, Алекс вышел во внутренний двор.

Детские шалости во дворе уже переросли в ссору. На глазах лейтенанта один из мальчишек чем-то запустил в своего обидчика, тот увернулся, и серый кругляш подкатился к ногам офицера. Алекс наклонился и поднял его. Кругляшом оказалась большая оловянная пуговица без ушка с полустертым, но еще неплохо различимым русским гербом на лицевой стороне. Изумленный Алекс вертел находку в пальцах, когда кто-то дернул его за штанину. Рядом стоял чумазый мальчишка лет пяти-шести, сквозь драные лохмотья местами просвечивало смуглое тело. Хозяин явно хотел вернуть назад свою собственность. Однако его желание шло вразрез с намерениями Алекса. Нашарив в кармане мелочь, офицер протянул мальчишке медную монетку. После секундной паузы пацан счел обмен выгодным, цапнул денежку и умчался.

Забыв, куда и зачем он направлялся, лейтенант почти бегом вернулся назад. Влетев в помещение, где расположились русские, командовал:

– Подъем! Все ко мне!

Спросонья солдаты схватились за винтовки с похвальной быстротой, но опасности пока не было. Алекс продемонстрировал им находку.

– Наша, солдатская, – опознал пуговицу Хмылов.

– Никогда такой не видел, – заявил Фелонов.

– Сомневаюсь, что такие видел даже Грушило. Ей больше ста лет. Значит так, – Алекс выгреб из кармана горсть мелочи, – берите деньги. Да понемногу, чтобы всем хватило. Прочесать весь караван-сарай. Ищите и покупайте пуговицы, пряжки, все, что может иметь отношение к отряду Каурбарса, чувствую, они были здесь. Ну, что встали?! Унтеры, командуйте! Распределите людей так, чтобы друг за другом не ходили.

В комнате остались только часовые и караванщик.

– Шохад, а ты такие пуговицы видел?

Гохарец мельком глянул на серый кругляш в ладони офицера.

– Да, здесь их много. В Габате редко попадаются, а в Сфагане часто.

– Откуда они здесь?

Караванщик развел руки, как бы извиняясь за отсутствие знаний в этом вопросе. Потом припомнил:

– На дороге между Сфаганом и Зафаром, бывает, попадаются.

– А в самом Зафаре? В Гохаре?

– Никогда не видел.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного, в Гохаре и Зафаре есть ремесленники. Там всю оставшуюся от солдат Каурбарса бронзу и олово давно переплавили в более полезные для местных жителей вещи, а здесь они никому не нужны. Алекс решил дождаться возвращения солдат, отправленных на поиски артефактов.

Для того чтобы обшарить небольшой караван-сарай, много времени не потребовалось. Буквально через полчаса все уже были в сборе. Находки выложили перед лейтенантом. Два десятка оловянных солдатских пуговиц разной степени затертости. Бронзовые цифры, видимо, с солдатских погон и офицерских эполетов. Попадались только двойки, четверки и семерки. Шесть солдатских пряжек от поясных ремней, две с нацарапанными на обратной стороне инициалами. Две большие и четыре малые бронзовые с изображением гранат с горящим фитилем.

– Маленькие с киверов, большие с подсумков, – высказал предположение Ивасов.

Алекс согласно кивнул. Но главная находка досталась унтеру Хмылову – старая солдатская полусабля без ножен с истончившимся от многочисленных заточек клинком.

– Они ею щепки кололи, – пояснил нашедший, – даже отдавать не хотели.

На клинке все клейма стерлись, зато на гарде без труда можно было разобрать «4Гр.П.6р.». Расшифровка клейма для Алекса труда не составила.

– Четвертый гренадерский полк, шестая рота. А двойка и семерка с погон – двадцать седьмой пехотный полк. Именно эти полки входили в отряд Каурбарса.

Недолго подумав, лейтенант заявил:

– Миссия наша, в общем, закончена, с Каурбарсом все понятно. Как и я, он плохо представлял, что такое пустыня, нахрапом хотел проскочить. Никакой секретной тропы через пустыню нет и колодцев тоже нет. Отряд генерала шел именно здесь. Через Габат и Сфаган. Идущим первыми полкам вода еще досталась, но колодцы в Габате и Сфагане они вычерпали насухо. Шестой гренадерский и двадцать седьмой пехотный, думаю, шли замыкающими. До Габата у них еще были силы и запас воды, а вот после... Они-то в основном здесь и легли.

Ивасов первым стянул с головы кепи, остальные последовали его примеру. С минуту длилось тягостное молчание. Первым нарушил молчание Фелонов:

– Что дальше делать будем?

– Ничего. Ждем еще восемь дней, пока не придет письмо из Гохары. Надо же узнать, что произошло с остатками отряда Каурбарса в Гохаре. После этого возвращаемся обратно. Все ясно?

– Так точно, господин лейтенант, – откликнулись солдаты.

Торчать в грязном, запыленном караван-сараяе еще восемь дней никому не хотелось, но другого выхода не было. Солдатам пришлось напомнить некоторые обстоятельства.

– Бдительности не ослабляем. Помните, до Зафара всего сто верст, два дневных перехода. Уже послезавтра они будут знать, что мы здесь.

Алекс прекрасно понимал, как разлагает солдат безделье, но ничего, кроме ежедневной чистки оружия, придумать не мог. Не строевой же подготовкой заниматься посреди двора на потеху местным. В конце концов, они сейчас вроде как путешествуют инкогнито, и не стоит выставляться всем напоказ подразделением регулярной руоссийской армии. Но то ли близость противника не давала расслабиться, то ли наличие трех унтеров на одиннадцать солдат поддерживало бдительность на должном уровне, поэтому опасность, возникшая на шестой день, была обнаружена вовремя.

– Господин лейтенант, там с сегодняшним караваном из Зафара компания одна появилась, не нравятся они мне.

Сам унтер-офицер Хмылов Алексу тоже не нравился, солдаты его откровенно боялись, но не уважали. Однако личная неприязнь – не повод проигнорировать сигнал об опасности.

– Пойдем, посмотрим на эту компанию, – поднялся Алекс. – Где они?

– Туда, где лепешки пекут, пошли.

– Заодно и мы свежих лепешек прикупим. Винтовку на всякий случай заряди.

Надо сказать, что пребывание в Сфагане обходилось недешево, уж больно дорогой была местная вода, а верблюды тоже нуждались в ней. Хотя пока казенные суммы, выделенные на эту экспедицию, покрывали затраты. Но когда закончится взятое с собой продовольствие, Алексу точно придется все финансировать из своего кармана.

Они успели вовремя. Мужик, который занимался лепешками, куда-то исчез, и сейчас его продукция подгорала, наполняя небольшое помещение характерным запахом. Зато тут хватало другого народа. Большая печь и узкие проходы не давали возможности для маневра. Зажатый между печью и стеной Шохад выставил вперед окровавленный нож с узким, чуть изогнутым клинком. В паре шагов от его ног корчился один из нападавших, зажимая рану в левом боку. Остальная компания, так не понравившаяся унтеру, сгрудилась перед раненым, не решаясь напасть. Пока не решаясь. У караванщика была порезана левая рука, кровь уже капала на пол, но вроде ничего серьезного, а вот его оппоненту здешняя медицина уже вряд ли поможет.

Недолго думая, Алекс вытащил из кобуры «гранд», взвел курок и выстрелил в потолок. Грохот выстрела, пороховой дым и выбитая пулей пыль ошеломили гохарцев, но ненадолго. Здоровенный, почти не уступающий размерами Фелонову детина с кривым ножом в руке шаг-

нул к лейтенанту и начал что-то гневно ему выговаривать на своем языке. Двое продолжали зажимать караванщика, а еще трое встали за вожаком, готовые напасть в любой момент.

– Смелые какие, – констатировал лейтенант. – Все равно ни черта не понимаю.

Алекс, почти не целясь, пальнул здоровяку в бедро. В ответ раздался оглушительный вопль раненого. На этот раз компанию проняло по-настоящему. Дернулись было, но тут же замерли перед направленными на них стволами. Снаружи донесся дружный топот сапог, солдаты спешили на помощь.

– Шохад, переведи им, что если сейчас они отсюда не уберутся, то все здесь и останутся.

Видимо, караванщик сумел подобрать нужные слова, а может, вид двух раненых или стоявших в дверях солдат подействовал успокаивающе, но вся компания дружно спрятала все острое железо, подхватила подельников и потащила их за ворота караван-сарая, оставив на полу две кровавые лужи. Только один задержался на выходе и попытался прошипеть что-то угрожающее в адрес Алекса. Дошипеть не успел, Фелонов левой рукой – в правой был револьвер – взял грозного кочевника за шиворот халата и выдернул наружу. Донесся глухой звук удара, короткий вскрик, еще удар, и все стихло.

– Это по твою душу?

– Скорее, за моей головой. Хотели получить эмирское золото.

– Понятно. Ивасов, перевяжи его.

Пока унтер перевязывал руку караванщика, Алекс прикидывал, что делать дальше. Дальнейшее пребывание в Сфагане становилось опасным, следующие охотники за эмирским золотом могли оказаться удачливее, а остаться без караванщика в трех сотнях верст от Руоссии не хотелось. Да и судьба отряда Каурбарса уже была ясна. С другой стороны, надо бы узнать все окончательно и получить подтверждающее письмо.

– Шохад, когда твой друг должен прислать ответ?

– Сегодня или завтра.

«Если вообще придет», – домыслил Алекс.

– Послезавтра с утра выступаем обратно. Готовьтесь.

Однако расчет караванщика оказался верным. Вероятно, письмо ему передал кто-то из пришедшего вечером каравана. Во всяком случае, через четверть часа после его прихода Шохад появился в комнате лейтенанта со свернутым в трубочку свитком.

– Вот ответ.

Лейтенант взял письмо и приказал:

– Принесите лампу.

Глиняную лампу принес сам Хмылов, после чего как бы невзначай присел рядом, так, чтобы иметь возможность все слышать. Алекс хотел было его прогнать, но передумал. Пусть сидит, ничего секретного в письме быть не может. Офицер решительно сорвал печать и развернул свиток. К его удивлению, это была не бумага, а пергамент. Пробежав письмо глазами, лейтенант протянул его караванщику.

– Переведи.

Пергамент был исписан какими-то крючками, завитушками и загогулинами с точками. Караванщик взял список и начал переводить.

– Эти события произошли сто три года назад. В одиннадцатый день месяца... – Шохад закатил глаза вверх, вычисляя нужную дату, – по-вашему это был девятнадцатый день десятого месяца...

– Октября, – подсказал Алекс.

– Да, октября. К Гохаре неожиданно подошло большое руоссийское войско. Город не был готов к обороне, и им удалось захватить одни из городских ворот до того, как их успели закрыть. Эмир испугался и согласился впустить руоссийцев в город.

На этих словах караванщик замолк.

– Что было дальше? – потребовал лейтенант.

– Дальше горожане поняли, что руссийсках солдат не так уж и много, как им показалось вначале. К тому же они были сильно измождены. Многие едва передвигали ноги. Их накормили, а из подвала эмирского дворца выкатили бочки с вином. Когда солдаты уснули, гохарцы напали на них.

– В вино было подмешано снотворное?

– В письме про это ничего не сказано. Да и где взять столько снотворного? Усталым людям было бы достаточно простого вина. Убили немногих, большинство попали в плен. Таких было, здесь указано точное количество, две тысячи восемьсот восемьдесят шесть человек. Эмир приказал обратить их в рабов. Потом они строили каналы. Именно их труду Гохара обязана своей нынешней ирригационной системой. Главного генерала и нескольких офицеров казнили на городской площади, отрубили им головы. Все, больше в письме ничего нет.

Шоход свернул письмо и вернул его Алексу.

– Надо было задержаться в Зафаре, – неожиданно подал голос Хмылов, – привести полки в порядок и только после этого идти на Гохару.

– На месте Каурбарса я бы действовал так же, как он, – возразил лейтенант, – пошел прямо на Гохару. Задержись он в Зафаре, эмир успел бы собрать кочевников-северян и ополчение из южан, плюс регулярное эмирское войско. Пятьдесят тысяч он бы набрал легко.

Шоход молча кивнул, подтверждая сказанное Алексом.

– Их бы просто задавили массой.

– Так они бы хоть в бою погибли, – нашел новое соображение унтер, – а не на постройке эмирских каналов.

– Тоже верно, – согласился лейтенант. – Этот генерал Каурбарс был изрядным авантюристом, все поставил на zero и проигрался до потери собственной головы. Ладно сам, но солдат жалко. Из Зубурука он вышел второго октября с пятью тысячами, а девятнадцатого, когда подошел к Гохаре, у него осталось около трех. К тому же он потерял весь обоз и артиллерию, ему просто нечем было воевать, поэтому он и решился на штурм Гохары с ходу.

– Про артиллерию в письме ничего не сказано, – возразил Хмылов.

– В том-то и дело, если бы артиллерия Каурбарса попала в руки гохарцев, про это обязательно упомянули, здесь пушки имеют большую ценность.

А тут – тишина, значит, все они остались в пустыне, даже полковые трехфунтовки. Шоход, ты что-то хотел сказать?

– Вашему генералу повезло, что в тот год было много дождей и мало песчаных бурь, только поэтому до Гохары дошло так много ваших солдат.

– Все понятно, – подвел итог лейтенант, – для крупных отрядов пустыня Тюра-Кум непроходима. Судьбу отряда Каурбарса и причины его гибели можно считать установленными, а поставленную перед нашей экспедицией задачу полностью выполненной. Завтра возвращаемся в Зубурук.

Унтер Хмылов не скрывал своей радости, остальные тоже были куда как довольны. Сфаганский караван-сарай и путешествия по пустыне всем успели основательно надоест. Только караванщик Шоход воспринял это известие без энтузиазма.

Перед обратной дорогой пришлось основательно потратиться на воду для верблюдов. Глядя на то, как дорогостоящая влага исчезает в их бездонных утробах, Алекс поинтересовался:

– И сколько они так могут выпить?

– После долгого перехода и больше десяти ведер могут.

Об этой верблюжьей способности лейтенант уже знал, но одно дело просто знать, а другое все это видеть наяву. Хорошо, что от Зафара до Зубурука верблюды могли пройти без дополнительного водопоя, иначе купцы бы разорились. Вода была нужна только людям.

Шоход, похоже, пропадал где-то всю ночь, Алекс даже хотел начать его поиски, но под утро караванщик явился сам. Был он мрачен и молчалив. Привычно заняв место впереди, он вел караван к Габату, но ближе к вечеру внезапно пропустил верблюда, на котором ехал Алекс, вперед, а сам пристроил своего быстроногую бактриана рядом. Оглянувшись и убедившись, что никто их не слышит, караванщик неожиданно заявил:

– Я знаю, что тебе нужно, офицер. Ты хочешь провести через Тюра-Кум русскую армию и захватить Гохару.

Отрицать очевидное было глупо, Алекс молча кивнул.

– Когда ты вернешься назад, то скажешь своему начальству, что это сделать невозможно.

Это был не вопрос, караванщик слышал, к какому выводу пришел офицер, Алекс этого не скрывал. Зачем скрывать истину, которую знают все? Получив еще один утвердительный кивок, Шоход помрачнел еще больше.

– Эмир думает так же. Еще никому не удавалось провести через эту пустыню отряд больше чем в полтысячи воинов.

Караванщику было виднее, местные реалии он знал намного лучше. Если только... А что, если Шохада к ним подослал сам эмир? И им показали именно то, что хотел правитель Гохары? Алекс подозрительно глянул на мерно покачивающегося в седле караванщика. Да нет, не может такого быть. Алекс все видел сам, своими глазами, никаких тайных колодцев на этом пути нет и быть не может. Алекс еще раз взглянул на Шохада и, руководствуясь внезапным наитием, спросил:

– А ты знаешь, как провести через пустыню большой отряд.

Шоход не ответил. Несколько минут он ехал молча. Алекс уже было решил, что караванщик проигнорировал его вопрос, но тут он внезапно заговорил:

– В пустыне есть легенда о большом городе. Когда-то очень давно, может, триста лет тому назад, а может, и все пятьсот, посреди пустыни стоял большой город. Этот город назывался Серв. В нем было много колодцев, в колодцах много воды, а в городе много жителей. Тогда через пустыню шло больше караванов, чем сейчас, и все они проходили через Серв, там можно было пополнить запасы воды для людей и напоить верблюдов.

Караванщик взял длительную паузу.

– И что же произошло с Сервом? – не выдержал Алекс.

– Его жителей погубила жадность. Они стали брать плату не только за воду, но и за сам проход караванов по их земле. Они стали брать с купцов много денег. А тем некуда было деваться, они вынуждены были платить. Цены на товары поднялись, торговля начала хиреть. Дело дошло до того, что начала скудеть казна самого эмира гохарского. Тогда эмир вызвал к себе купцов и спросил их, почему они подняли цены. А купцы пожаловались на жителей Серва. Эмир гохарский страшно разгневался...

«Ну еще бы, разгневаешься тут, когда в казне шаром покати». Тем временем Шоход-караванщик продолжил рассказывать легенду:

– Он собрал большое войско и привел его под стены Серва. Жители города не боялись осады. Через несколько дней у осаждавших закончилась вода, а у них – нет. И враг вынужден будет уйти. Главное, отбить первый штурм. Стены города были высоки, воины храбры и хорошо вооружены. Кроме того, на защиту города встали все жители, кто мог держать в руках оружие. Они отбили два штурма. Но в этот раз эмир привел много, очень много воинов. На одного защитника их приходилось не меньше десятка. После третьего штурма город пал. Гохарцы разграбили и разрушили Серв. Тех, кто сопротивлялся – убили, остальных угнали в Гохару и обратили в рабов. С тех пор ни один караван не прошел мимо Серва. Караванщики проложили прямой путь между Сфаганом и Габатом, а большой город со временем стал легендой.

– Забавная история, – осторожно заметил лейтенант.

– Сейчас уже немногие помнят легенду о большом городе Серве, но никто не знает точно, правда это или только легенда.

– А ты знаешь? – поинтересовался Алекс.

– И я не знаю.

– Тогда зачем ты мне все это рассказал?

– Шесть лет назад, когда я еще водил караваны через пустыню, нам пришлось укрываться от песчаной бури. Буря бушевала весь день и всю ночь. А утром, когда ветер стих, мы не узнали местности, все вокруг изменилось. Буря передвинула большой бархан, и мы увидели развилку на караванной дороге. Один путь вел на самую яркую ночную звезду, к Габату, а второй отклонился на восход, куда сейчас никто не ходит.

– И что было дальше?

– Ничего. Следующая буря вернула бархан на место, и развилка исчезла. Немногие успели ее увидеть.

– И никто не попытался отыскать Серв?

– Никто. Да и зачем? Все городские богатства попали в эмирскую казну еще тогда. А сейчас ты и сам все увидишь. Прикажи своим солдатам остаться здесь.

Следуя за бактрианом Шохад, верблюд Алекса свернул с дороги, и они поднялись на вершину большого бархана.

– Смотри, офицер.

Поначалу Алекс ничего не заметил, и только приглядевшись в направлении, куда указывал караванщик, он увидел едва заметную ложбину, под углом пересекавшую цепь барханов.

– Старая дорога! Она ведет к Серву?

– Никто не знает, куда она ведет. Может, и к Серву. Но если хочешь, офицер, мы можем проверить, куда она ведет.

Алекс задумался. Похоже, легенда подтверждается. По крайней мере, в той ее части, что раньше караванная тропа проходила восточнее и была длиннее. А такой крюк в пустыне можно сделать только по одной причине – вода. Значит, сам город располагался где-то между Габатом и Сфаганом. Но насколько был велик сам Серв? В здешней пустыне сотня воинов – большая сила. Две-три сотни – непобедимая армия. Так что вряд ли в Серве было больше пяти тысяч жителей. А скорее всего, не больше трех. Но это три тысячи суточных рационов воды! В несколько раз больше, чем во всех здешних колодцах, вместе взятых! Кроме того, они должны были поить животных. И не с одних же только караванов жила такая орава, выходит, там должно было быть хоть какое-то земледелие, а это...

Соблазн был велик. Но почему тогда такая величайшая ценность была заброшена и забыта? Колодцы-то должны были остаться на месте! Либо легенда врет, либо были какие-то другие очень важные причины разрушить Серв и даже память о нем довести до уровня легенды, известной очень немногим. И есть только один способ проверить правдивость легенды и выполнить задачу поставленную генералом Скоблиным. Алекс еще раз бросил взгляд на пересекающую барханы ложбину, пристально вгляделся в лица сопровождавших его солдат.

– На сколько дней нам хватит воды?

– На шесть, – ответил Шохад, – а до Габата не больше двух. Нам не надо будет возвращаться назад, я смогу найти дорогу к Габату прямо через пустыню.

Очень интересное предложение, но прежде чем его принять, Алексу нужно было еще кое-что выяснить.

– Шохад, ты ведь сам родом из Гохары.

Караванщик молча кивнул.

– Тогда почему ты нам помогаешь? Мы ведь враги Гохары. У тебя там наверняка остались дом, родственники и друзья. Ты хочешь привести врагов к порогу своего дома?

На лицо Шохад набежала черная тень.

– Я расскажу тебе одну историю, офицер. Это очень грустная история.

Караванщик на некоторое время замолчал, потом неторопливо продолжил:

– Еще не так давно в Гохаре жил юноша. У него не было родителей, он был сирота. Зато у него было много друзей. И у него был свой дом, оставшийся от родителей. И еще у него был мудрый наставник.

А у наставника была дочь. Своей красотой она славилась на всю Гохару. Молодые люди полюбили друг друга, и даже день свадьбы уже был назначен, но тут городской судья, мерзкий старик, захотел взять девушку себе в гарем. Он предложил отцу деньги, много денег. Отец отказался. И тогда его обвинили в воровстве.

– Дальше понятно, – вклинился в рассказ караванщика Алекс, – отцу отрубили руку, а девушка попала в гарем к судье.

– Нет, не так, – покачал головой Шохад, – все было намного хуже. Молодой человек захотел добиться правды и отправился к визирю. Он был глуп и самонадеян, хотя сам себя считал ловким и мудрым. К несчастью, визирь принял его. Он даже выслушал юношу и пообещал восстановить справедливость.

– Восстановил? – скептически хмыкнул Алекс.

– Да, – кивнул караванщик, – восстановил, отца девушки отпустили. Но на этом история не заканчивается. Молодой человек должен был ненадолго уехать.

«Повел очередной караван», – догадался лейтенант.

– А когда он вернулся, его встретили черные вести. На следующий день, после того как он уехал, в дом отца девушки пришли евнухи из эмирского гарема и увели ее. Брат хотел защитить ее, но воины эмира, пришедшие с евнухами, убили его. Молодой человек стал безумен от горя, он решил выволить любимую из гарема. Ему нужна была помощь, но никто, никто из тех, кого он считал своими друзьями, не захотел помочь ему.

«Дурак, еще бы на базарной площади объявил, куда и зачем он собирается лезть».

– Когда юноша проник в сад эмирского дворца, его там ждала засада. Ему удалось тогда убежать, но за ним шла погоня. Эмир объявил о большой награде за его голову. Один бывший друг побоялся укрыть юношу, второй соблазнился эмирским золотом и предал его. И только один человек, которого он раньше считал своим злейшим врагом, вывез его из Гохары и довез до Габата, куда не могли дотянуться эмирские руки.

– А что стало с девушкой?

– К тому времени, когда юноша попытался забраться в гарем, она уже была мертва. Говорили, что она бросилась на кинжал, только бы не достаться султану.

«Ну да, где бы она только кинжал взяла! Скорее всего, султану добровольно не дала, и евнухи ее удавили». Тем временем Шохад подошел к финалу истории.

– Но я думаю, что ее убили по султанскому приказу. С тех пор у меня нет в Гохаре дома и нет друзей. Теперь ты все знаешь, офицер, и можешь принять решение.

Очень трогательная история. Алекс еще раз взвесил все аргументы «за» и «против», взглянул на стоявших у подножия бархана солдат и унтера Хмылова, которые уже начали беспокоиться долгой задержкой, после чего принял решение:

– Возвращаемся в Габат.

Обычно бесстрастное лицо караванщика не могло скрыть разочарования, рухнули его планы отомстить эмиру с помощью руоссийской армии. За весь оставшийся до Габата путь он не произнес ни слова. А придя в Габат и получив оговоренную плату, тут же куда-то исчез, будто его и не было.

Дорога до Зубурука показалась всем легкой прогулкой по сравнению с предыдущими переходами. В город экспедиция прибыла поздним вечером, а утром, после развода на полковом плацу, лейтенант уже сидел в приемной командира полка.

Полковник Жимаило находился в отличном настроении. Судя по его реакции на доклад лейтенанта Магу, обо всех результатах экспедиции он уже знал. Не иначе унтер Хмылов постарался. И когда только успел, скотина? Перебрав разложенные на столе артефакты, оставшиеся от солдат Каурбарса, полковник фальшиво посочувствовал.

– Жалко, конечно, солдатиков, ни за что погибли. Но теперь-то вы наконец убедились, что пустыня для наших войск непроходима? И нечего туда соваться. Хорошо хоть ваша экспедиция прошла без потерь, пустыня, знаете ли, дилетантов не любит и ошибок не прощает.

– Так точно, господин полковник, убедился. Именно этот вывод будет сделан в моем рапорте генералу Скоблину.

– Ну вот и отлично, – оживился полковник. – Сегодня отдыхайте, а завтра отправляйтесь в Аринбург к военному губернатору Маркашеву.

– В Аринбург? Осмелюсь спросить, господин полковник, зачем я потребовался губернатору Маркашеву?

– Наш губернатор является горячим сторонником проникновения в Гохару с северного направления, – ухмыльнулся Жимаило, – вот пусть вас и послушает, может, ваш доклад его хоть немного остудит. Это, кстати, было его желание. Ваших предшественников он тоже принимал.

Ситуация оказалась более сложной, чем рассчитывал Алекс.

Хоть он губернатору Маркашеву и не подчинен, и отчитываться перед ним не обязан, но столь демонстративно проигнорировать генеральское приглашение было бы просто неприлично, все же он старший воинский начальник всего края. Придется импровизировать по ходу.

– Есть послезавтра отбыть в Аринбург на доклад к генералу Маркашеву!

Выйдя от полковника, лейтенант торопливо отыскал своих унтеров.

– Все меняется. Фелонов, собирай вещи, завтра мы с тобой отправляемся в Аринбург к военному губернатору, он меня на доклад требует.

– Есть в Аринбург.

– Ивасов, останешься здесь, снимешь форму...

– Господин лейтенант!

Реакцию унтера можно было понять, сняв форму и оставшись без своего непосредственного начальника и нужных документов, он фактически оказывался на положении дезертира, но Алексу было не до этих тонкостей.

– Цыц! Делай, что приказано! Жить будешь на постоялом дворе. Фелонов, отдай ему список. Лопаты, веревки, ведро, продовольствие и далее по списку – все на тебе. Мы вернемся дней через шесть, к этому времени все должно быть готово.

– Слушаюсь, господин лейтенант.

– Ты мне тут глазами не сверкай, лучше к девкам сходи! Выхода у нас другого нет. Будь осторожен, смотри на наших знакомых не наткнись, особенно на Хмылова, ни к чему полковнику знать, что кто-то из нас в Зубуруке остался. Он не дурак, может что-нибудь заподозрить. Все, действуйте, я – на телеграф.

Основным отличием Аринбурга от Зубурука был размер. Сам город больше, присутственные места выше, некоторые даже в два этажа. Прежде чем отправиться к Маркашеву, Алекс отдал мундир и брюки в чистку, не рискнул явиться пред генеральские очи в насквозь пропыленной форме. А поскольку запасного мундира он с собой не взял, у него появилось некоторое время на размышление – стоит ли открыть все генерал-губернатору или подождать более надежных результатов?

С одной стороны, губернатор, вроде как сторонник скорейшего вторжения в Гохару через пустыню Тюра-Кум. С другой, генерал – темная лошадка, о которой ничего не известно. Даже о его позиции по Гохаре известно только со слов полковника Жимайло, который является ярким противником этого варианта. К тому же все, что он мог представить Маркашеву – это рассказанная караванщиком, ничем не подтвержденная легенда, в то время как все имеющиеся факты говорили о невозможности похода в Гохару с севера. А если Серв не удастся найти? Или его вообще не существует и легенда врет?

– Готово.

– Поставь в коридоре.

Фелонов принес до блеска надраенные сапоги лейтенанта.

– На твоём месте я бы почистил сапоги непосредственно перед входом в канцелярию, а то пока дойдешь, они запылятся.

– Неизвестно, есть ли чистильщик у канцелярии, – возразил Алекс, – но если он там сидит, то я непременно у него остановлюсь. Кстати, дорого они здесь берут?

– Гривенник.

– Недешево.

Алекс взглянул на часы.

– Давай бегом за мундиром, уже должно быть готово.

Пока Алекс с Фелоновым дошли до канцелярии военного губернатора, сапоги, конечно, запылились, а чистильщика поблизости не наблюдалось.

– Говорил же, надо извозчика брать, – корил унтера лейтенант.

Тот негромко оправдывался:

– Да где же его здесь возьмешь? Я с утра еще ни одного не видел.

– Вернемся в столицу, отправлю тебя к окулисту.

– К кому?

– Глазному врачу, пусть твое зрение проверит. Все, пришли.

Алекс взялся за ручку входной двери.

– А сапоги?

– Черт с ними, пошли.

Приемная Маркашева находилась на втором этаже. Непременный атрибут любой генеральской приемной встретил их традиционным:

– Господин генерал-лейтенант занят, придется обождать.

Кроме них в приемной сидело еще полдюжины ожидающих приема в куда более высоких чинах. Если переждать всех, то часа три, не меньше, прикинул Алекс.

– Генерал нас сам пригласил для доклада о результатах экспедиции в Тюра-Кум. Лейтенант Магу и старший унтер-офицер Фелонов, прошу доложить.

– Хорошо, – равнодушно кивнул адъютант, – доложу.

И, действительно, доложил после того, как от Маркашева вышел посетитель.

– Проходите, господин штаб-капитан. После него вы, господин лейтенант.

Алекс почти физически ощутил, как на них скрестились неприязненные взгляды. Простите, господа, но на приеме у начальства как на войне – все средства хороши для скорейшего достижения цели. К счастью, штаб-капитан пробыл у генерала недолго, всего около четверти часа. После чего они попали в кабинет.

Генерал-лейтенант Маркашев оказался высоким представительным мужчиной с солидными зальсынами и животиком. Алекс пробежался взглядом по висящим на генеральском мундире наградам, ни одного ордена с мечами, длинный ряд юбилейных медалей. Теперь понятно, почему губернатору так хочется повоевать. В свою очередь, лейтенантская колодка наград также не осталась без внимания.

– За что были награждены Егорием, лейтенант?

– За оборону Харешского перевала, господин генерал-лейтенант!

– Жаль, но ничего не слышал об этом деле, но рад, что наконец-то сюда прислали настоящего боевого офицера, а не очередного штабного хлыща. Итак, чем порадуете, господин лейтенант Магу?

Надо же, даже фамилию запомнил. Алекс сделал знак Фелонову, и тот выложил на стол то, что осталось от солдат генерала Каурбарса. После чего лейтенант начал доклад о ходе экспедиции и ее результатах. Уложился он минут в десять.

– ... таким образом, маршрут перехода через пустыню и дальнейшую судьбу отряда генерала Каурбарса можно считать установленными.

– Да, жаль. А я почему-то надеялся на чудо.

Маркашев подошел к столу, перебрал пуговицы и пряжки, взял в руки полусаблю, потер пальцем клеймо на гарде, после чего положил на место.

– Итак, лейтенант Магу, вы уверены, что пустыня непроходима?

Алекс вытянулся по стойке «смирно», Фелонов последовал его примеру. Наступил момент истины, последний шанс сказать генералу правду.

– Так точно, господин генерал-лейтенант, на сегодняшний день проход отряда численностью более пятисот штыков через пустыню Тюра-Кум невозможен.

– Хорошо, лейтенант, ступайте. Я отпишу генералу Скоблину о вашем усердии и буду ходатайствовать о служебном поощрении.

– Премного благодарен, господин генерал-лейтенант!

Пока Алекс расшаркивался перед генералом, унтер собрал добытое экспедицией. Его еще надлежало доставить в столицу.

Как только они вышли на улицу, Фелонов ехидно ухмыльнулся.

– Лихо ты выкрутился: «на сегодняшний день»! И правды не сказал, и не соврал в то же время.

– Кто его знает, когда удастся этот Серв найти? И удастся ли вообще. Поэтому на сегодняшний день все мною сказанное является правдой. И на завтрашний тоже. Поэтому ты иди в гостиницу, пакуй вещи, а я загляну на почтовую станцию, узнаю, когда будет ближайшая карета до Зубурука.

– Не извольте беспокоиться, господин лейтенант, нужная вам карета отправляется завтра в полдень.

– По шее дам, – пообещал «господин лейтенант». – Ты когда про карету узнать успел?

– Так сегодня и успел.

Алекс остановился.

– В таком случае, у нас образуется свободный вечер. Предлагаю начать с ужина вон в том трактире, а оттуда перебраться в веселое заведение с на все согласными за умеренную мзду девками.

Фелонов предложение начальства всемерно поддержал и обещал присоединиться сразу, как только вернет в гостиницу добытый экспедицией груз. Ну, кто бы сомневался.

Глава 3

Ночка выдалась безлунная, тьма вокруг – хоть глаз выколи. В самый раз для обтяпывания темных делишек. Или совершения вылазок в расположение вражеских войск. Здесь, правда, не вражеский тыл, а мирно спящий Зубурук, уже полсотни лет как вошедший в состав Руоссии, но в данном конкретном случае темнота играла на руку трем военным, тащившим тяжелые тюки за пределы постоянного двора.

– Твою же ж мать!

Ивасов оступился и едва не оказался придавленным своим же тюком.

– Тихо, – прошипел Алекс. – Ставьте здесь и топайте за остальным. Я покараюлю.

Когда унтеры ушли за второй партией груза, лейтенант вытащил часы и попытался разглядеть положение стрелок. Бесплезно. Часы Алекс вернул в карман, огляделся и негромко позвал.

– Шохад! Шохад, ты где?

– Я здесь, офицер.

Караванщик неожиданно отозвался из-за спины лейтенанта, как оказалось, он стоял буквально в пяти шагах. Алекс едва удержал палец на спусковом крючке.

– В следующий раз за спину мне не заходи, могу и пальнуть.

– Хорошо не буду, – согласился Шохад.

Алекс опустил «гранд».

– Что с верблюдами?

– Я купил семерых, как ты и сказал. Они здесь в загоне.

– Веди их сюда.

Караванщик растворился в ночи бесшумно, как и появился. Спустя пару минут притопали оба унтера, сгибавшиеся под тяжестью тюков с продовольствием и инструментом.

– Сейчас Шохад пригонит верблюдов, и тронемся.

Однако все оказалось вовсе не так быстро, с распределением вьюков по массе и погрузкой в темноте провозились больше часа. Еще больше, почти два, потратили на заполнение всех бурдюков у колодца на окраине Зубурука. Следующие две недели им предстояло существовать в автономном режиме. Когда красноватый рассвет залил восточную часть горизонта, верблюды успели отойти от города верст на десять.

К полудню, когда начали попадаться первые песчаные участки, Шохад сообщил Алексу:

– Здесь мы свернем с дороги.

Лейтенант молча кивнул. С оружием у них было совсем плохо. На четверых – два револьвера, офицерская пехотная сабля и два солдатских тесака. Отныне их основным оружием стала незаметность, а защитой – необозримые пространства песка. Верблюды двинулись в пустыню вслед за бактрианом Шохада. Лейтенант чуть отстал и поравнялся с верблюдом Фелонова.

– Следи за ним, чтобы не сбежал, особенно ночью. На дороге мы могли идти хотя бы по компасу, а сейчас полностью зависим от него.

– Не волнуйтесь, господин лейтенант, – заверил его унтер, – не сбежит. Глаз с него не спустим.

Ивасов молча кивнул – все понял.

Первый день запомнился только тем, что из-за бессонной ночи хотелось спать, и все потихоньку клевали носами в такт верблюжьим шагам. А вокруг расстилалось бескрайнее песчаное море, в котором изредка попадались отдельные островки глины или камня. Какие-либо ориентиры на местности отсутствовали, уже на второй день Алекс понятия не имел, куда они движутся. И только по тому, что солнце вставало слева, а садилось по правую руку, можно было предположить, что их экспедиция еще удаляется от Зубурука на юг, а не возвращается

обратно. Полученную у полковника Жимаило карту пришлось сдать обратно, но насколько лейтенант помнил, они сейчас двигались в самый центр большого белого пятна к востоку от караванной тропы.

В полдень третьего дня Ивасов заметил солнечный отблеск над одним из глинистых холмов справа по ходу движения.

– Смотрите, что это там блестит?

В указанном унтером направлении уставились все, кроме Шохад. Похоже, караванщик заметил этот блеск раньше всех, но не придал ему значения. Не иначе это какое-то природное явление, но откуда оно на вершине холма?

– Шохад, что это такое?

– Мертвая голова, – все так же, не поворачивая головы, ответил караванщик.

– Мертвая голова?

Гохарец пожал плечами. Алекс сообразил, что ему просто не хватает словарного запаса, чтобы объяснить это явление.

– Если хочешь увидеть все сам, офицер, то мы можем подъехать ближе.

– Поехали, – принял решение лейтенант.

«Мертвой головой» оказался старый, выбеленный песком и временем человеческий череп. Кто-то вкопал в вершину холма кривую, но прочную палку, и закрепил на ней чью-то бывшую голову.

– Что за дикий народ? – возмутился Фелонов. – Надо будет закопать.

– Не трогай, – негромко, но очень твердо произнес Шохад, – это знак.

– Знак чего? – заинтересовался Алекс.

– Мертвую голову видно издалека, – пояснил караванщик, – если заблудишься, надо дойти до нее, а потом идти в ту сторону, куда она смотрит, там будет вода.

– А куда смотрит эта голова?

Для караванщика ответ был очевиден.

– На Габат.

Лейтенант, проверив направление по компасу, лишний раз убедился в квалификации караванщика. Гохарец тронул своего верблюда, остальные потянулись за ним. Мерно покачиваясь в седле, лейтенант сообразил, что из всех черепов, человеческий – самый округлый. Он равномерно отражает солнечный свет и, действительно, заметен издалека. У руоссийцев череп – это знак смерти, а здесь в пустыне – жизни.

В полдень четвертого дня членам экспедиции впервые пришлось увидеть, как засуетился их такой невозмутимый караванщик. Шохад вдруг привстал в седле, вглядываясь куда-то вдаль. Алекс тоже посмотрел в том же направлении, но ничего необычного не заметил. Тем временем гохарец резко свернул вправо и погнал своего бактриана к глинистому гребню.

– Езжайте за мной.

– Что случилось? – забеспокоился лейтенант.

– Песчаная буря!

Чистейшее голубое небо, без единого облачка, безжалостно палящее полуденное солнце. Дневное марево, ни малейшего дуновения ветерка. Абсолютная тишина, исчезли буквально все шорохи и звуки. Какая тут к черту песчаная буря? Но не доверять караванщику причин тоже не было, до сих пор он их еще ни разу не подвел. Лейтенант и оба унтера поспешили вслед за ним.

Шохад заехал за глиняный гребень и положил своего верблюда. Кинулся к подъехавшему Алексу.

– Прячьтесь за гребень, кладите верблюдов.

Лейтенант слез с лежащего верблюда.

– Шохад, ты уверен, что будет буря?

– Да. И нам надо поторопиться, если хотим выжить. Смотри сам, офицер.

Караванщик подвел лейтенанта к гребню и указал на небольшое темное пятнышко в южной части горизонта. Алекс достал бинокль и взглянул вооруженным взглядом на это природное явление. И оно ему не понравилось. В основном тем, что довольно быстро приближалось. Солнце потускнело, светило заволокла мутная пелена.

– Снимайте вьюки, прячьте воду!

Осознавшие приближение серьезной опасности военные шустро выполняли указания караванщика. Черная, неотвратимо приближающаяся с юга полоса всерьез пугала впервые увидевших ее руоссийцев. К тому времени ветер резко усилился, первые песчинки начали сечь кожу на лице и руках.

– Держите при себе фляги с водой, неизвестно, сколько продлится буря! Накройтесь кошмами и привалитесь к боку верблюда, ни в коем случае не высовывайтесь, – продолжал инструктировать руоссийцев Шохад.

Алекс не утерпел, до последнего следил за приближением серо-оранжевой стены песка. И только когда все вокруг накрыла серая пелена, а видимость упала до пары саженей, он нырнул под свою кошму. И буквально в ту же секунду он ощутил весомый удар песка и ветра даже сквозь толстую кошму.

Даже под кошмой было жутко. Снаружи свистел, стонал и завывал ветер, все остальные звуки исчезли. На зубах скрипел песок, пыль сушила носоглотку, но дышать еще можно было. Температура существенно выросла, даже по сравнению с дневной жарой. Стала тяжелеть голова, и Алекс начал опасаться потерять сознание. Возникло беспокойство за товарищей, не засыпало ли их песком, не задохнулись ли.

За этими переживаниями лейтенант не заметил, в какой момент буря начала стихать. Когда он, наконец, рискнул поднять голову и, стряхнув налетевший сверху песок, выглянуть наружу, то не узнал местности. Ложбину за гребнем, в которой они прятались, наполовину занесло песком. Из песка торчали горбы и головы верблюдов. Лейтенант взглянул на часы, буря длилась всего около полутора часов. Странно, ему показалось, что времени с начала бури прошло как минимум раз в пять больше.

А вот и Шохад, чтоб он был здоров.

– Ты жив, офицер?

– Как видишь.

Алекс окончательно выбрался наружу и выдернул кошму. К счастью, все люди и животные остались живы. Каким-то образом, мелкая песчаная пыль проникла сквозь войлок и одежду, лица у всех были серыми, а тела зудели от пробившихся сквозь войлок и одежду мельчайших песчинок. Кроме того, буря буквально высосала у всех силы, будто они не прятались, а шли навстречу ветру. Не хватало сил даже просто стоять. Одна мысль о том, что сейчас придется откапывать вьюки и грузить их на верблюдов, лишала сил окончательно. Поэтому, когда караванщик начал поднимать верблюдов из песка, лейтенант только рукой махнул.

– Не спеши, останемся здесь до завтрашнего утра.

Шохад торопить руоссийцев не стал, понимал состояние после впервые пережитого, даже поддержать пытался. Весьма своеобразно пытался.

– Это была слабая буря. Лет десять назад наш караван попал в бурю, которая длилась три дня и три ночи. Тогда погибла треть верблюдов и половина людей. Даже нашли не всех.

К вечеру они не спеша откопали свое занесенное песком имущество. На пятый день пути они тронулись, ежеминутно ожидая встречи с Сервом. Вожделенный город мог быть обнаружен в любой момент. Люди начали вертеть головами, пытаясь найти цель своей экспедиции, но пока безрезультатно.

Шохад неожиданно остановил своего верблюда, едва взобравшись на гребень очередного бархана, и внимательно осмотрелся вокруг. Алекс остановил своего бактриана рядом.

– Что-то случилось?

– Серв не может быть так далеко, надо вернуться назад.

– Может, надо было идти со стороны Сфагана?

– Если Серв существует, то мы его найдем, – безапелляционно заявил Шохад и развернул своего бактриана.

«Мне бы твою уверенность», – подумал Алекс, поворачивая верблюда вслед за караванщиком. Обрато они двинулись под небольшим углом к своим же следам и через несколько минут уже потеряли их цепочку из вида. Опять только песчаные барханы, с изредка возвышающимися над ними глинистыми холмами или скальными выходами. Незадолго до заката они повернули еще раз, караванщик заявил, что город не может быть так близко к Габату.

– А мы так не заблудимся? – забеспокоился лейтенант.

Алекс мог назвать азимут, ведущий обратно к людям, лишь очень приблизительно, но понятия не имел, сколько верст им придется пройти в этом направлении.

– Не бойся, офицер, если хочешь, я приведу вас в Габат к полудню послезавтрашнего дня.

– Да я не боюсь, только умереть от жажды в этой чертовой пустыне не хочется.

Алекс снял с ремня фляжку, открутил крышку, набрал в рот воды, потом маленькими глоточками проглотил. На лбу моментально возникла испарина, тут же обратившаяся в капельки пота. Караванщику хотелось сделать то же самое, но он сдержался. Шохад тронул свое верблюда, остальные потянулись за ним.

Ближе к вечеру, когда красноватый солнечный диск почти коснулся линии горизонта, они повернули еще раз, но до ночи так ничего и не нашли. Пришлось останавливаться на ночевку.

Утром караванщик опять неожиданно остановился, как только они тронулись в путь. Его верблюд едва успел взобраться на первый бархан.

– Мы опять заехали слишком далеко?

– Нет, – покачал головой Шохад, – мы его нашли.

– Где? – Алекс энергично закрутил головой, пытаясь разглядеть развалины города, но вокруг расстилался только привычный пустынный пейзаж.

Караванщик молча указал на торчащий из песка плоский глиняный холм, внешне ничем не отличающийся от своих собратьев. Ну, разве что размером.

На этот же факт обратил внимание и Шохад. Кроме того, он заметил еще один момент.

– Он слишком большой и слишком ровный.

Лейтенант достал бинокль и рассмотрел холм еще раз. Пришлось признать правоту караванщика, но до конца он еще не был убежден, сильно мешали неровные наносы песка, сбивавшие с толку. Окончательно разрешить все сомнения могло только непосредственное обследование самого холма с помощью предусмотрительно взятых с собой лопат.

– Поехали, посмотрим.

Вблизи сомнения только усилились, ну не могла эта оплывшая глина быть творением человеческих рук! Алекс выбрал занесенную песком седловину.

– Копайте здесь! А я осмотрюсь вокруг.

Пока оба унтера, поплевав на руки, вгрызались лопатами в песчаный нанос, лейтенант обошел холм по периметру. Здесь его ждал сюрприз, основание холма, действительно, представляло собой почти правильный квадрат со стороной около сотни саженей. В природе таких правильных геометрических форм не бывает, не терпит она прямых линий.

В одном месте, там, где песок обнажил глину на большую глубину, Алекс заметил странный камень с подозрительно гладкой поверхностью. Не поленившись, он спустился вниз и поднял его. Камень оказался обломком керамики, на котором еще сохранился черный геометрический орнамент, порывшись в песке, он нашел еще несколько обломков поменьше с тем же орнаментом. Подобрал находки, офицер поспешил наверх.

Пока он ходил, унтеры совместными усилиями успели углубиться почти на полсажени, песок в седловине был хоть и сухим, но достаточно плотным, слежавшимся. Подойдя к раскопу, лейтенант поинтересовался:

– Как успехи?

– Пока только песок.

– А я кое-что нашел, – похвалился офицер.

Найденная керамика была тщательно рассмотрена и изучена.

– Судя по толщине и ровности стенок, делали на гончарном круге, потом обжигали в печи, – высказал свое мнение Фелонов.

Алекс повернулся к до сих пор молчавшему Шохаду.

– Такую керамику где-нибудь в Гохаре сейчас делают?

Караванщик покрутил обломки в руках и кивнул.

– Да, почти такую. Ее давно делают.

Значит, эта обожженная глина могла пролежать здесь и пять лет, и пятьдесят, и пятьсот. Но, по крайней мере, люди здесь точно бывали. А что им делать в этом безводном гибельном месте в паре дней пути от караванной тропы?

– Продолжайте копать.

К полудню, когда раскоп углубился вниз почти на сажень, а становившаяся невыносимой жара грозила прервать работу, лопата Ивасова брякнула о камень. Несколько минут интенсивной работы, и из песка появилась кладка из грубо отесанных камней, скрепленных каким-то раствором. Алекс поковырял раствор ножом, тот легко крошился и высыпался из щели между камнями.

– Ну что же, похоже, мы, действительно, нашли Серв.

Вот только находка эта большого энтузиазма не вызвала. Начать надо с того, что площади сто на сто сажений для пяти тысяч человек будет явно маловато. И для трех тысяч тоже. Хотя можно допустить, что это только городская крепость, а основная часть населения проживала за ее пределами.

Хуже было другое. Алекс ожидал увидеть пусть и разрушенные, но остатки каменной крепости, а не холм оплывшей глины. Но камень в пустыне добыть и перевезти весьма затратно. Поэтому крепость построили из глинобитных кирпичей, обожженных на солнце. А это весьма непрочный и недолговечный материал. И время его не пощадило. И как теперь вчетвером докопаться до похороненных под метровым слоем глины сервских колодцев? Особенно не зная, где именно они находятся. Тут целому саперному батальону работы не на одну неделю. А где взять воду для солдат на все это время? Получался замкнутый круг.

– Ладно, заканчивайте эти раскопки.

Унтеры с облегчением выбрались из раскопа. Создавшееся положение они понимали не хуже офицера.

– И что дальше делать будем?

– Не знаю, – пожал плечами Алекс, – пока отдохайте, потом еще раз осмотримся, подумаем, может, чего полезного и надумаем. А я пока Шохада поспрашиваю, он местные условия лучше нас знает.

Шоход нашелся у подножия холма, когда-то бывшего городом-крепостью Сервом. Пока руоссийцы азартно ковыряли песок на холме, он выбрал место для лагеря, укрывавшее от возможной песчаной бури и большую часть дня от палящих лучей солнца. Сейчас караванщик снимал с верблюдов бурдюки с водой и прятал их в тень.

– Думаешь, мы здесь надолго?

– Пока не найдем воду.

– А если ее здесь нет?

– Здесь есть вода. И мы ее найдем.

Получив столь уверенное заявление, Алекс на несколько мгновений опешил, но потом начал догадываться о причинах.

– Шохад, ты что-то знаешь.

– Знаю, офицер.

– Тогда давай выкладывай, не томи.

Сделав знак следовать за собой, караванщик поднялся на вершину песчаного бархана, раскинувшегося у подножия бывшей крепости.

– Смотри сам, офицер, это – тропа, которая ведет к Сфагану. Вот она делает поворот и дальше идет к Габату.

Когда знаешь, что искать, то и найти не трудно. Следы прямых ложбин, под углом пересекавшие песчаные волны барханов, он разглядел без труда. Вот теперь он начал догадываться, что ему хотел показать Шохад.

– Тропа проходит за пределами города!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.